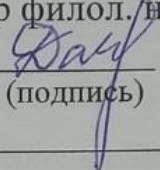

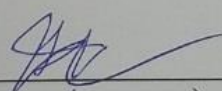
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «КубГУ»)

Факультет романо-германской филологии
Кафедра теории и практики перевода

Допустить к защите
Заведующий кафедрой,
д-р филол. наук, профессор
 А.Н. Дармодехина
(подпись)
_____ 2019 г.

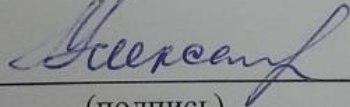
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

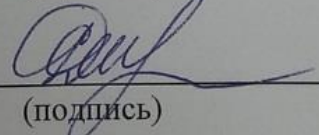
РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОГО
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Работу выполнил И.С. Никитенко
(подпись)

Специальность 45.05.01 Перевод и переводоведение
(код, наименование)

Специализация Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений

Научный руководитель
канд. филол. наук, доцент Н.В. Александрович
(подпись)

Нормоконтролер
ст. преподаватель Д.Ю. Сизонова
(подпись)

Краснодар
2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1 Прагматическое значение фоновых знаний в научно-популярной литературе	5
1.1 Научно-популярная литература в системе функциональных стилей	5
1.2 Определение и содержание фоновых знаний	12
2 Необходимость применения фоновых знаний при переводе книги Тимоти Уилсона «Чужие себе»	17
2.1 Стилистические особенности книги «Чужие себе»	17
2.2 Фоновые знания как средство достижения адекватного перевода	23
Заключение	27
Список использованных источников.....	29
Приложение А Оригинал фрагмента книги «Strangers to Ourselves» (Timothy D. Wilson)	32
Приложение Б Перевод фрагмента книги «Strangers to Ourselves» (Timothy D. Wilson)	63

ВВЕДЕНИЕ

Научно-популярные книги по психологии относятся к одним из самых востребованных нехудожественных произведений на книжном рынке. Страны Европы, в которых имеются крупные исследовательские институты в данной области, являются крупными экспортёрами научно-популярных книг по психологии, в которых последние научные достижения преподносятся в простой и увлекательной форме.

Перевод этих книг подразумевает ряд задач, для которых в современной лингвистике ещё не выработались оптимальные варианты решения. Существует множество подходов к определению научно-популярного текста, но нет единого понимания его функциональной задачи, вследствие чего определить адекватность его перевода достаточно сложно.

Роль фоновых знаний в достижении адекватного перевода, в котором учитывается прагматика текста, ещё не получила окончательного разъяснения в научном мире. Отсутствуют научные данные о том, как стилистический контекст фоновых знаний влияет на их перевод.

Актуальность работы заключается в необходимости расширения научной базы исследования научно-популярной литературы, которая является одним из самых востребованных типов текста на сегодняшний момент. Таким образом, можно подготовить почву для дальнейших исследований научно-популярной литературы как многогранного литературного феномена с одной стороны, и способствовать развитию комплекса переводческих решений при переводе единиц, содержащих фоновые знания, с учётом прагматики текста – с другой.

Целью работы является определение влияния фоновой информации при переводе научно-популярного текста. В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

- дать определение функциональному стилю и обозначить его роль в тексте,

- определить место научно-популярной литературы в существующей системе стилей,

- определить, что подразумевается под фоновыми знаниями и какое место они занимают в тексте,

- на основании практического исследования произвести стилистическую оценку научно-популярного текста,

- выявить закономерности влияния фоновых знаний при переводе научно-популярного текста.

Объект исследования - фоновые знания как основа межкультурной коммуникации.

В качестве предмета исследования рассматривается влияние фоновых знаний при переводе научно-популярной литературы.

В работе использовались следующие методы исследования: анализ, сравнение, интерпретация, сплошная выборка.

Теоретическая база исследования включает работы советских и российских лингвистов – Т.А. Воронцовой, Л.С. Бархударова, В.Г. Костомарова, Е.М. Верещагина, М.Н. Кожинной, С.В. Гринёва, Г.Д. Томахина и др. Материалом исследования послужила книга Тимоти Уилсона «Чужие себе», написанная в 2002 году. Она является ярким представителем научно-популярной литературы в её самом актуальном на сегодняшний день жанре – психологии. Книга удовлетворяет цели и задачам исследования. Автор – компетентный специалист в области психологии – простым языком описывает научные достижения академической психологии. При этом автор извлекает пользу из особенностей построения научно-популярного текста и прибегает к использованию языковых единиц, содержащих фоновые знания, характерные для европейской культуры.

Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и двух приложений, в которых содержится фрагмент книги Тимоти Уилсона «Чужие себе» на английском языке (приложение А) и его перевод на русский язык (приложение Б).

1 Прагматическое значение фоновых знаний в научно-популярной литературе

1.1 Научно-популярная литература в системе функциональных стилей

Одна из первых попыток стилистического разграничения языка принадлежит лингвисту А.М. Пешковскому. Под стилем он понимал использование средств языка для особых целей, добавочных по отношению к основной цели всякого говорения – сообщению мысли, и разграничивал следующие добавочные цели: «воздействие на воображение слушателя и возбуждение в нём эстетических переживаний (художественная речь), воздействие на волю его (ораторская, рекламная речь), облегчение ему понимания сказанного (лекторская речь, популяризация)» (Пешковский А.М. Избранные труды. М, 1959. С. 148).

Это определение наглядно иллюстрируют природу комплекса добавочных элементов (т.е. стиля) как явления, возникающего при взаимодействии адресанта и адресата, и направленного на достижение вторичной коммуникативной задачи, которая всегда носит роль некоторого воздействия. Обратимся к ряду научных работ, чтобы более точно установить природу и количество возможных добавочных целей, а также то, из чего и как они формируются.

Т.А. Воронцова приводит следующее определение функционального стиля: «разновидность литературного языка, обусловленная различием функций, выполняемых языком в определенной сфере общения». При формировании функционального стиля основополагающую роль играют экстралингвистические факторы, именуемые стилеобразующими факторами. Они обусловлены сферой общения, в которой вырабатываются оптимальные языковые средства для достижения коммуникативной цели. Т.А. Воронцова выдвигает следующие стилеобразующие факторы: «социально значимая сфера

общения, которая соотносится с соответствующей формой общественного сознания; основная функция (цель) коммуникации; тип (форма) мышления (логико-понятийное, деонтическое, образное); типовые особенности содержания».

В современном научном мире не прекращаются споры о количестве функциональных стилей и природе стиля в целом, однако большинство исследователей выделяют пять основных стилей: научный, официально-деловой, публицистический, разговорный, художественный (стиль художественной литературы) (Елина Е.А. *Стилистика русского языка и культура речи*. Саратов, 2010. С. 8). Л.С. Бархударов разделяет формирующие стиль факторы на первичные (ядро стиля) и вторичные (периферия) (Л.С. Бархударов *Язык и перевод*. М, 1975 С. 126). Существуют и дополнительные экстралингвистические факторы – способ коммуникации, форма речи, вид речи, вид речевого акта, степень субъективности / объективности, проявление авторской индивидуальности и т. д., на основании которых выделяют подстили (Стилистическая дифференциация языка URL: <https://sites.google.com/site/stilisticskaadifferenciacia/>).

Совокупность первичных факторов стиля также именуется стилевой доминантой. Стилевая доминанта – «ведущий конструктивный принцип отбора и организации языковых средств, которая, в свою очередь, определяет комплекс стилевых черт каждого функционального стиля» (Воронцова Т.А. *Элементарная стилистика*. Ижевск, 2009. С. 41-43). Как отмечает ряд исследователей (М. Н. Кожина, А. Н. Васильева, В. Г. Костомаров, Б. Н. Головин, О. Б. Сиротинина), чётких границ между функциональными стилями нет, как невозможно строгое разграничение сфер человеческого взаимодействия. К тому же при выделении стиля необходимо учитывать большое количество переменчивых экстралингвистических факторов и степень их влияния на текст. Из-за этого в научном сообществе часто возникают споры о правомерности выделения существующих стилей и выделении новых. Так, В.Д. Левин считает, что художественный стиль не

представляет собой системы стилистически однородных явлений и принципиально лишен всякой стилистической замкнутости, (Левин В.Д. О некоторых вопросах стилистики, «Вопросы языкознания». № 5, 1954. С. 79-80) а доктор филологических наук О.А. Крылова выделяет церковно-религиозный функциональный стиль (Крылова О.А. Функциональная стилистика. М.: Айрис Рольф, 1997. С. 435-446). Вопрос о стилистическом статусе НПЛ всё ещё остаётся предметом дискуссий.

Условно можно выделить два направления в современной лингвистике. В первом научно-популярный текст обособляется в самостоятельный функциональный стиль речи. Сторонники второго склонны причислять его к подстилю научного стиля речи. Существует ещё одна точка зрения, которая пока что не находит большого числа единомышленников, согласно которой научно-популярный стиль классифицируется как синкретический функциональный стиль речи. (Гришечкина Г.Ю. Научно-популярная лингвистическая литература: аспекты изучения в русле функциональной стилистики. С. 130) Исследователи в данной области (Н.С. Фудель, А.Н. Васильева) разрабатывают концепцию «межстилистических жанров», которые нельзя рассматривать ни как самостоятельные функциональные стили, ни как подстили. Е.С. Троянская отмечает: «Научно-популярная литература весьма неоднородна, представлена многими разновидностями, большинство из которых до сих пор не исследовалось. В этой литературе есть произведения, близкие по своему строю к самым разным функциональным стилям... по отношению к ядру научного стиля они находятся в основном на самом краю пограничной зоны» (Троянская Е.С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей. М.: Наука, 1984. С. 8).

М.Н. Кожина приводит следующие доводы для обоснования подстилевой принадлежности научно-популярного текста: «научно-популярный подстиль сохраняет основные специфические особенности, характерные для научного стиля: в научно-популярной литературе излагаются знания, добытые в сфере научной деятельности; содержание научно-

популярной литературы в основном то же, что и в собственно научной литературе». Обращая внимание на характерные особенности НПЛ, в число которых входит обращение к терминологии, автор отмечает, что «термин (в особенности узкого специального употребления) наделен определенной функционально-стилистической окраской: он несет на себе печать научного стиля и привносит ее в той или иной степени в контекст, в котором используется» (Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977).

Таким образом, популярная составляющая рассматривается только как инструмент популяризации научного знания, при котором научный текст наделяется свойствами, способствующими привлечению как специалиста, который получит тот же объем информации, что и в научной работе, только в более доступной форме, так и человека, не владеющего узкоспециальными знаниями.

Но история развития НПЛ в России и её роль в наше время показывают, что, помимо изложения знаний научной деятельности, у неё присутствуют и другие прагматические цели. В работах русского публициста и переводчика Д.И. Писарева излагается ряд требований к зарождающемуся жанру литературы. Отношения между автором-популяризатором науки и читателем автор описывает как отношение педагога к ученику, пропагандиста к народу, определяя эффективность текста его способностью увлечь читателя, расширить его кругозор, и, в случае с детьми, познакомить их с разными научными сферами, облегчив тем самым выбор области интереса. Д.И. Писарев видел необходимость в сближении литературы, большая часть которой была написана, по мнению автора, под влиянием идей западного просвещения, и народа, которому требовалась литература, приближённая к реалиям повседневной жизни, чтобы посредством литературы формировать нравственные качества человека (Писарев Д.И. Народные книжки. 1894. С. 237-246).

И хотя в наше время НПЛ утратила нравоучительно-познавательную функцию, у неё появилась новая задача – облегчить интеграцию человека в культуру, дать ему представление о научных достижениях, прямо или косвенно влияющих на его жизнь. Как отмечает Е.С. Троянская, основная целевая установка научно-популярного текста заключается в популяризации научного знания для непрофессионалов (Троянская Е.С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей. С. 9). Непрофессионалом, в зависимости от сферы популяризируемого знания, может оказаться практически любой человек, что можно доказать на примере книги, которой будет посвящена практическая часть работы.

Иная точка зрения состоит в том, что научно-популярные работы рассматриваются как самостоятельный, независимый стиль. Такой подход возможен в силу прагматических отличий между научным и научно-популярным текстом. Отличается целевая аудитория – в одном случае это специалисты конкретной научной области, в другом – максимально возможный круг читателей. Отличается целевая установка – научный текст стремится передать логическую информацию и привести доказательства или опровержения, в то время как научно-популярный текст знакомит читателя с результатами научной работы в интересующей его сфере, преподнося материал в доступной и увлекательной форме.

Однако прагматика научно-популярного текста заключается не только в передаче упрощённых научных знаний широкому кругу читателей. Если обратиться к словарной статье слова “популяризировать” в словаре Ушакова, то можно найти следующие дефиниции:

- изложить (излагать) в популярной, доступной для слушателя, читателя форме. Популяризировать научные выводы,

- агитируя, сделать (делать) широко известным, всем понятным что-н., разъяснить (разъяснять) цели и задачи чего-н (Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=54120>).

И если с первым определением всё понятно – именно оно и входит в стилистическую доминанту научно-популярного текста – то второе предполагает некоторые дополнительные цели НПЛ, которые могут быть не всегда очевидны и опираться на множество факторов.

Современная научно-популярная литература – формат открытый, предоставляющий автору возможность выбирать инструменты для раскрытия научных знаний и авторской позиции. За свою историю она претерпела множество изменений, и до сих пор продолжает меняться, коррелируя с изменениями в сфере общения. Для НПЛ важны не столько научные знания как самоценность, сколько их осмысление для культуры в целом и человека в частности.

В данных условиях говорить об исчерпывающей прагматике такой научно-популярной литературы, какой мы её наблюдаем сейчас, ещё слишком рано, однако мы можем точно определить по крайней мере один её компонент, который выделяется при рассмотрении НПЛ как с точки зрения самостоятельного стиля, так в рамках подстиля научного стиля – упрощения комплекса научных знаний для широкой читательской аудитории.

Мы остановимся на определении научно-популярного текста как представителя самостоятельного функционального стиля, т.к. это предоставит нам возможность говорить о потенциальных особенностях текста и рассматривать его прагматику независимо от научного стиля.

В качестве инструментария анализа текста обратимся к интересному, но не получившему широкое распространение подходу в изучении стилистике, который именуется «синкретическим». В нём НПЛ рассматривается как «своеобразный межстилистический речевой жанр, складывающийся на пересечении основных книжных функциональных стилей – научного, художественного и газетно-публицистического» (Фудель Н.С., Васильева А.Н. Вопросы стилистики в преподавании русского языка иностранцам М.: МГУ, 1972. С. 96-113).

Таким образом у нас появится возможность рассмотреть различные составляющие научно-популярного текста и определить, как они влияют на перевод. Выделим основные особенности текста:

- образовательность, направленная на расширение кругозора читателя, способность ознакомить его с научными достижениями в обозреваемой сфере знаний,

- увлекательность, целью которой является удержание внимания читателя. Повествованию следует быть не просто точным и научно-мотивированным, но и интересным читателю,

- доступность, при которой автор избегает сложных речевых конструкций, избыточной терминологии и преподносит знание на базовом уровне в понятной для читателя манере,

- интенциональность, или, другими словами, обращённость текста к читателю, желание обратить его внимание на некоторую проблему или область знаний и донести до него объективную точку зрения.

Каждый из вышеперечисленных факторов имеет свою стилистическую окраску. Образовательность присуща научному стилю и выполняет следующие функции:

- адекватная передача научной информации,

- доказательство истинности научного знания (Воронцова Т.А. Элементарная стилистика. С. 58).

Увлекательность присуща художественному стилю, функция которого определяется как - «описать события и их героев, передать свое отношение к изображаемому» (Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 1997. С. 294). Автор НПЛ может прибегать к раскрытию вопроса через призму личностных отношений реального или выдуманного лица, тем самым вводя персонажей – носителей эстетической и экспрессивной функции воздействия на читателя. Благодаря такому подходу у читателя появляется возможность рассмотреть вопрос не только на логико-понятийном

уровне, но и на ассоциативно-образном, в котором задействованы чувства и эмоции.

Доступность можно выделить в стилистический фактор, присущий непосредственно научно-популярному стилю, т.е. идентификационному наименованию исследуемого синкретического стиля. Его основная функция – упрощение комплекса знаний.

Интенциональность выделяется в публицистическом стиле, в котором воздействие на читателя и актуализация проблемы достигаются путём чередования экспрессии и стандарта, оценочной информации и прямого обращения. В полученном «диалоге» одну из сторон занимает автор, а вторую – читатель, и задача автора предугадать возможные вопросы и замечания и дать на них своевременный ответ.

Причисление каждого фактора к отдельному стилю носит показательный характер, учитывая, что при более глубоком рассмотрении каждого из них можно найти признаки и других функциональных стилей.

1.2 Определение и содержание фоновых знаний

Словарь лингвистических терминов О. Ахмановой даёт следующее определение фоновым знаниям: «Фоновое знание англ. Background knowledge. Обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» (Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 489). Написание данной словарной статьи относится к периоду формирования отечественной социолингвистики, направленной, прежде всего, на установление иностранных контактов.

Актуальность развития социолингвистики связана с потребностью в межкультурной коммуникации, успешность которой зависит не только от компетенций, связанных со знанием лексических, грамматических и орфографических норм иностранного языка, но и, как указывается выше, в знании реалий иностранной культуры и умении понимать текст на нескольких

уровнях, поэтому наибольшее развитие изучение фоновых знаний получило в страноведении и социолингвистике и лингвокультурологии.

Поскольку любой коммуникативный акт подразумевает наличие как открытой (эксплицитной), так и скрытой (имплицитной) информации, для эффективной межкультурной коммуникации её участники должны добиться полного взаимопонимания, при котором имплицитные семантические единицы доходят до адресата без потерь, влияющих на общую смысловую передачу.

В рамках теории перевода Л.С. Бархударов рассматривает фоновые знания как понимание экстралингвистических явлений языка (психолингвистических, социолингвистических, этнолингвистических и других) (Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975. С. 30).

Более точное определение приводит Г.Д. Томахин, рассматривающий фоновые знания в широком и узком планах. «Фоновые знания в широкой трактовке – это практически все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения». «Иногда фоновые знания понимаются в узком плане – как только те знания, которыми располагают оба коммуниканта, т.е. знания, общие для участников коммуникативного акта» (Томахин Г.Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (59) 1980. С. 34).

В данном случае определение фоновых знаний выходит за пределы лингвистики и социолингвистики, а специфичные для процесса межкультурной коммуникации элементы, такие как актуальность экстралингвистической информации при передаче сообщения и эквивалентность – опускаются. Данный подход иллюстрирует многоплановость рассматриваемого предмета и возможность разностороннего подхода, однако нам требуется более точное и выверенное определение, которое могло бы задать чёткие рамки исследования, обозначить границы рабочего пространства.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров связывают фоновые знания с понятием лексического фона. «Лексический фон — это те (взятые вместе) непонятные семантические доли, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека» (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. С. 69).

Авторы разделяют семему (единицу плана содержания) на две составляющие — лексический фон и лексическое понятие, которые группируются из семантических долей (СДолей). Принцип группировки состоит в отделении понятных долей (универсальных идентификаторов природы явления или предмета, которые могут совпадать в разных культурах, которые относятся к лексическому понятию) от непонятных (куда и относится экстралингвистический опыт, установленный автором как лексический фон).

В большинстве случаев при переводе языковой единицы мы полагаемся на понятные СДоли, которые в исчерпывающем виде представлены в билингвических словарях. Однако если за лексическим понятием стоит мотивирующий или определяющий контекст, мы отмечаем наличие непонятных СДолей.

В качестве наглядного примера авторы приводят слово “аптека”, которое, казалось бы, носит универсальный характер для всех стран, частично или полностью принадлежащих к европейской культуре. Но если в российских реалиях аптека — это «учреждение, в к-ром продаются (или изготавливаются и продаются) лекарства, лечебные средства, предметы санитарии и гигиены» (Ожегов), то в американской аптеке можно найти в продаже продукты питания, почтовые марки и многое другое.

Остановимся на определении, данном в статье Т.Н. Абрашиной и Г.В. Артамоновой «Современные проблемы лингвистики и методики преподавания английского языка»: «Фоновая лексика - это слова или выражения, имеющие дополнительное содержание и сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его

основное значение, известное говорящим и слушающим, принадлежащим к данной языковой культуре» (Современные проблемы лингвистики и методики преподавания английского языка. URL: <https://urok.1sept.ru/%d1%81%d1%82%d0%b0%d1%82%d1%8c%d0%b8/512396/>).

Важно понимать, что лексический фон обусловлен некоторым явлением, существующим в реальности, либо же принадлежит некоторой «авторской реальности». Отношение между лексическим фоном и мотивирующим объектом в лингвистике обозначаются термином пресуппозиция. Если обратиться к определению Н.С. Валгиной, что пресуппозиция – это «компонент смысла текста, который не выражен словесно, это предварительное знание. Пресуппозиция может возникнуть при чтении предшествующего текста или оказаться за пределами текста как результат знания и опыта автора», то может сложиться представление о близости данного понятия и лексического фона. Однако пресуппозиция предполагает не столько наличие экстралингвистической информации, сколько мотивированность её использования в тексте.

В.И. Красных определяет ту часть фоновых знаний, задействованных в момент коммуникативного акта, как «коммуникативный фон» (Красных В.И. Русские глаголы и предикаты. Словарь сочетаемости. М.: Айрис Лингва, 1993.). В текстах научного-популярного характера в качестве пресуппозиции выступают объективные сведения о реальности – универсальные, и авторские – интенциональные. Помимо этого, существуют и «дискурсные» пресуппозиции, «носящие универсальный характер в пространстве определенного дискурса» (Клушина Н.И., Малыгина Л.Е. Стилистика научной речи и редактирование учебно-методических материалов. Меринос, 2018. С. 73).

Отдельно стоит рассмотреть то, как фоновые знания проявляются в терминологии. С.В. Гринев определяет термин как «номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, принимаемую для точного наименования специальных понятий»

(Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: «Академия», 2008. С. 33). В качестве лексического значения выступает контекстуальное значение термина, в то время как лексический фон обуславливается значением термина в других научных областях, а также его общеязыковой семантикой. Под общеязыковой семантикой термина подразумеваются те непонятные доли, которые находят отражения в повседневной речи. Совокупность всех непонятных долей составляет «терминологический фон» термина (Химик В.В. Культура речи. Научная речь. М.: «Юрайт», 2016. С. 80-82).

Общеязыковая семантика может предполагать переносное значение термина и выражаться в тексте метафорой. Метафора, это – «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии». (Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 224). В качестве предмета аналогии выступает узкоспециальное значение термина.

Приведём общее определение на основании рассмотренных выше подходов. Фоновые знания – это информация о предметах, явлениях и понятиях, специфика которых широко известна в языковой среде одной культуры, но может различаться или отсутствовать в другой. В тексте они формируются из непонятных семантических долей, совокупность которых составляет лексический фон слова или выражения.

Из-за того что они не всегда получают экспликацию в исходном тексте, их перевод требует отдельных для каждого случая переводческих решений, при чём учитывается не только эквивалентность перевода непонятных семантических долей, но и прагматика текста, которая задаёт функциональное значение языковым единицам, содержащим фоновые знания.

2 Необходимость применения фоновых знаний при переводе книги Тимоти Уилсона «Чужие себе»

2.1 Стилистические особенности книги «Чужие себе»

Объектом для практического исследования выступает фрагмент из книги Тимоти Уилсона – «Чужие Себе» (Timothy D. Wilson – Strangers to Ourselves) на языке оригинала и языке перевода. Тимоти Уилсон – социальный психолог и писатель – является одним из передовых исследователей подсознательных когнитивных процессов психики. В своих книгах он стремится познакомить читателя с последними достижениями академической психологии в области подсознания в доступной и увлекательной форме.

Книге Тимоти Уилсона присуща многостильность. Каждый стиль выполняет свою функцию в рамках общей прагматики текста – преподнести научные данные о подсознании так, чтобы читатель, не имеющий знаний в данной области, мог их понять, соотнести с ситуациями из собственной и использовать в будущем. Далее мы рассмотрим, как в тексте проявляются черты художественного, научного и публицистического стиля, а также роль научно-популярной доминанты.

Средства художественного стиля придают тексту увлекательность. Их основная цель – свести к минимуму барьер между автором и читателем, дать последнему возможность ассоциировать себя с героями произведения и сделать описываемые в книге события частью его личного опыта. Происходит воздействие на читателя, при котором поднимаемые автором вопросы раскрываются не только с позиции их научной ценности, но и личного отношения.

В процессе описания истории тех или иных научных концепций автор нередко прибегает к персонажам, прототипами которых стали реальные исторические лица.

Ср.:

Freud undoubtedly would agree, saying something like “Yes, yes, but think kind of unconscious thinking is the small stuff”.

Фрейд бы несомненно согласился, сказав что-то вроде «Да-да, но, думаю, эта часть бессознательного мышления незначительна».

Помимо «оперсонаженных» исторических личностей, Тимоти Уилсон вводит и самодостаточных персонажей при иллюстрации проявления тех или иных описываемых процессов психики в бытовых ситуациях.

Ср.:

Consider a lawyer who interviews an African-American applicant for a job as an associate in her firm. She finds the candidate to be cold, unfriendly, and a tad aggressive, and thus recommends that he not be hired. She is a fair-minded person who believes that her negative impression had nothing to do with the applicant’s race. But what if she is wrong. And his race did influence her impression without her knowing it? She cannot confront her racism and try to change it if she does not know that it exists and is influencing her judgement.

Представим адвоката, который проводит собеседование с Афроамериканцем при приёме на работу на должность юриста. В кандидате она видит человека холодного, недружелюбного и чуточку агрессивного, вследствие чего рекомендует не принимать его на работу. Она считает себя беспристрастным человеком и полагает, что раса кандидата никак не повлияла на её впечатление. Но что, если она ошибается, и его раса действительно повлияла на принятое решение без её ведома? Она не сможет побороть свой расизм если не будет знать о его существовании и то, что он влияет на её суждения.

Здесь мы можем наблюдать появление и развитие персонажа, как в художественном произведении:

- экспозиция – адвокат интервьюирует кандидата при приёме на работу,
- конфликт – подсознательные мыслительные процессы влияют на её решения,

- развязка – она неосознанно принимает предвзятое решение,
- авторское сообщение – в то время как первый план повествования включает персонажей и их поступки, двигающие сюжет, на втором плане раскрывается авторский замысел.

Также в тексте встречаются экспрессивно окрашенные стилистические фигуры, характерные для художественного стиля:

Ср.:

Stephen was a very nice guy, kind and attentive and reliable and clearly head over heels in love with Susan.

Стивен был очень приятным парнем – добрым, внимательным и надёжным. А ещё, очевидно, он был по уши влюблён в Сюзан.

Основная цель научного текста – «информировать ученых, специалистов и неспециалистов о достижениях научных исследований» (Воронцова Т.А. Элементарная стилистика. С. 58). Описывая научные знания, автор приводит точные формулировки, исключая двусмысленность. Информация подкрепляется реальными научными или фактологическими данными.

Рассматривая существующую научную базу предмета исследования, а также прибегая к опыту из собственной практики, автор приводит определения, лишённые экспрессивной окраски и избыточности:

Ср.:

Unconscious is mental processes that are inaccessible to consciousness but that influence judgments, feelings, or behavior.

Бессознательное – это психические процессы, недоступные сознанию, но влияющие на суждения, чувства или поведение человека.

Информация подкрепляется исследованиями учёных в данной области:

Ср.:

They concluded that a good deal of human perception, memory and action occurs without conscious deliberation or will, and concluded that there must be

“mental latency” (Hamilton’s term, drawing on Leibniz), “unconscious cerebration” (Carpenter’s term), or a “reflex action of the brain” (Laycock’s term).

Они обнаружили, что немалая часть восприятия, памяти и действий человека происходит без сознательного намерения или желания, вследствие чего заключили существование «умственного потенциала» (термин Гамильтона, отсылающий к Лейбницу), «неосознаваемая работа мозга» (термин Карпентера), а также «непроизвольная реакция мозга» (термин Лайкока).

Далее идёт сравнение с современными взглядами на те или иные проблемы:

Ср.:

According to modern view, people cannot directly examine how many parts of their minds work, such as basic processes of perception, memory, and language comprehension.

Согласно современным взглядам, люди не могут прямо определить, сколько частей мозга у них задействовано во время основных процессов восприятия, памяти или овладения языком.

Как и в публицистическом стиле, в переводимой книге стилистические средства направлены на актуализацию темы для читателя. Вынося предмет научных знаний на всеобщее обозрение, автор предполагает, что данный материал будет не только увлекателен и познавателен для читателя, но ещё и полезен, т.к. человек есть открытая система, развитием для которой служит расширение границ его знаний и умений.

Интенциональность проявляется в подобии диалога между автором и читателем. Автор, как бы от имени читателя, задаёт себе вопросы и отвечает на них, благодаря чему читатель воспринимает себя соавтором, или, другими словами, становится одним из действующих лиц повествования:

Ср.:

How, then, can we discover our nonconscious traits, goals, and feelings? Is it always to our advantage to do so? To what extent are researchers in academe

rediscovering Freud and psychoanalysis? How can self-knowledge be studied scientifically, anyway? There are the questions to which I turn in the following pages. The answers often have direct, practical, implications for everyday living.

И как же тогда нам понять свои подсознательные особенности, цели и чувства? Всегда ли это пойдёт нам на пользу? Насколько далеко продвинулись учёные в переосмыслении Фрейда и психоанализа? Да и как с научной точки зрения можно изучать самопознание? На эти вопросы я постараюсь ответить в этой книге. Ответы часто будут иметь прямое практическое применение в повседневной жизни.

Автор использует примеры из собственной жизни и практики, в которых демонстрирует значимость информации в повседневных вопросах.

Ср.:

A few years ago I met a man named Phil at a parent-teachers' organization meeting at my daughter's school. As soon as I met him, I remembered something that my wife had told me about Phil: "He's a real pain at meetings," she had said. "He interrupts a lot, doesn't listen to people, and is always pushing his personal agenda". I quickly saw what she meant. When the principal was explaining a new reading program, Phil interrupted and asked how his son would benefit from it. Later in the meeting, Phil argued with another parent about how the PTO should conduct a fundraiser and seemed unwilling to consider her point of view. When I got home that night I said to my wife, "You sure were right about Phil. He's rude and arrogant." My wife looked at me quizzically. "Phil isn't the one I was telling you about," she said. "That was Bill. Phil is actually a very nice guy who regularly volunteers in the schools". Sheepishly, I thought back to the meeting and realized that Phil had probably not interrupted or argued with people any more than others had (including me).

Несколько лет назад я встретил человека по имени Фил на собрании родителей-учителей в школе, где учится моя дочь. Как только я встретил его, я вспомнил кое-что, что моя жена рассказала мне о Филе: «На собраниях от него одни проблемы»; она сказала: «Он много перебивает, не слушает людей

и всегда проталкивает свою точку зрения». Я быстро понял, что она имела в виду. Когда директор объяснял новую программу по чтению, Фил вмешался и спросил, что его сын выиграет от этого. Позже на встрече Фил спорил с другой родительницей о том, как ВТО должен вести сбор средств и, казалось, не желал рассматривать ее точку зрения. Когда я вернулся вечером домой и сказал своей жене: «Ты была полностью права насчёт Фила. Он груб и высокомерен» - она вопросительно посмотрела на меня. «Я рассказывала тебе не о Филе» - сказала она, – «это был Билл. Фил на самом деле очень хороший парень, который регулярно выступает волонтером в школах». Я почувствовал себя глупо и стал думать о встрече. Тогда я понял, что Фил, вероятно, не прерывал и не спорил с присутствующими больше, чем другие (включая меня).

В подглаве «Интерпретация: бессознательный переводчик» автор раскрывает роль бессознательных установок, или, другими словами, неосознаваемых предубеждений. Тимоти Уилсон приводит случай из жизни, в котором описываемый психологический принцип наглядно демонстрируется и актуализируется. Таким образом, научная информация переходит из категории «академическая» в категорию «прикладная» для любого читателя.

Научно-популярная доминанта проявляется в тексте следующим образом:

Ассоциативное сравнение – информация, направленная на понимание на логико-понятийном уровне мышления, сопоставляется с её ассоциативной вариацией в более простом и понятном для читателя контексте.

Ср.:

The mind operates most efficiently by relegating a good deal of high-level, sophisticated thinking to the unconscious, just as a modern jumbo jetliner is able to fly on automatic pilot.

Наиболее эффективно разум работает путём передачи большей части углублённых, комплексных размышлений подсознанию, так же как в наше

время пилот огромного реактивного самолёта может частично или полностью передать управление автопилоту.

Экспликация терминологии – автор объясняет значение слов, способных вызвать у читателя затруднения:

Ср.:

Organic amnesia can result from a number of traumas to the brain. Such as injuries suffered in car accidents, brain surgery, Alzheimer’s disease and Korsakoff’s syndrome (brain damage resulting from chronic alcohol abuse).

Органическая амнезия может быть следствием ряда травм головного мозга, таких как травмы, вызванные автомобильными авариями, черепно-мозговой травмой, болезнью Альцгеймера и синдромом Корсакова (повреждение головного мозга в результате хронического злоупотребления алкоголем).

2.2 Фоновые знания как средство достижения адекватного перевода

В.Н. Комиссаров определяет адекватный перевод как перевод, который «обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности». При этом должны соблюдаться жанрово-стилистические требования к текстам данного типа. Адекватный перевод можно обозначить как хороший перевод – хороший с точки зрения адресата, который определяет, была ли передана цель текста.

Семантические единицы, обозначающие культурные реалии страны – самые распространённые в художественном тексте.

Ср.:

“I have been interested in these questions since I arrived in Ann Arbor to attend graduate school on the fall of 1973, fresh from my graduating class of twelve at Hampshire College (a small, experimental college in Massachusetts then in its third year of existence)”.

«Я заинтересовался этими вопросами осенью 1973, когда поступил в магистратуру в Харбор-Анн, как раз закончив учиться в Колледже Хэмпшир (небольшом экспериментальном колледже в Массачусетс, на тот момент просуществовавший только три года)».

Данный фрагмент взят из введения, где автор предоставляет некоторые сведения об актуальности темы своей книги, даёт краткие автобиографические данные и выражает благодарности родным и коллегам.

Его перевод может вызвать трудности из-за различия в системах образования России и США. В отличие от системы школьного образования в России, которое подразумевает 9 классов неполного и 11 классов полного среднего образования, в Америке существует система 12-ти классов обучения, по окончанию которых обучающийся сдаёт экзамен SAT, и, в зависимости от набранных баллов, подаёт заявку в колледж или университет (Globaldialog Обучение и образование за рубежом URL: https://www.globaldialog.ru/countries/usa/secondary_education/shkolnoeobrazovanie-v-ssha/).

Дополнительную сложность вызывает то, что автор окончил двенадцатый класс среднего образования США не в старшей школе, завершение которой занимает 4 года (с 9 по 12 классы), а в Колледже Хэмпшир, где автор получил степень бакалавра и возможность поступить в магистратуру высшего учебного заведения (Frank Batten School of Leadership and Public Policy, UVA URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:50Vlaywyf78J:https://batten.virginia.edu/school/people/timothy-wilson&hl=ru&gl=ru&strip=1&vwsrc=0>).

Информация о 12-ти классах среднего обучения относится к фоновым знаниям и заключается в непонятных семантических долях лексического фона выражения “class of twelve”. Дословный перевод, при котором мы бы руководствовались только переводом лексических понятий, вызвал бы затруднение при понимании высказывания у читателя в России, особенно если он не знаком с реалиями среднего и высшего образования в Америке. В таком

случае перевод был бы неадекватным, т.е. не соответствовал прагматике текста.

Чтобы проверить адекватность данного перевода, необходимо определить, не пострадала ли прагматика текста, а также выделить главные смысловые узлы предложения и убедиться, что они остались нетронутыми. Для этого приведём их в хронологической последовательности:

- автор заканчивает экспериментальный Колледж Хэмпшир,
- автор приезжает в Анн-Арбор осенью 1973 года,
- автор начинает интересоваться вопросами, связанными с самопознанием.

Данные сведения дают нам представление об авторе как о специалисте в рассматриваемой научной области, и, согласно общей прагматике текста, не должны вызывать трудностей при понимании у читателя. В данном случае мы имеем дело с информацией общего характера, и, следовательно, мы вправе опустить специфичные культурологические знания для упрощения восприятия текста. При этом все смысловые единицы исходного текста получили эквивалентный перевод.

При переводе терминологии в научно-популярном тексте учитывается не только семантика слова, но и его общеязыковая семантика, т.е. значения, выходящие за рамки узкоспециальной научной сферы.

Ср.:

„Freud's genius, Freud's Myopia”

«Гений Фрейда, Близорукость Фрейда».

В заголовке первой главы автор использует общеупотребительный для английского языка термин миопия, имеющий менее частотный эквивалент в английском языке „nearsightedness”.

Словарь Merriam-Webster приводит следующие дефиниции слова myopia:

- a condition in which the visual images come to a focus... in front of the retina of the eye resulting especially in defective vision of distant objects,

- a lack of foresight or discernment: a narrow view of something (Merriam-Webster Dictionary URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/myopia>).

В дальнейшем, раскрывая тему, автор отмечает исключительную роль исследований австрийского учёного Зигмунда Фрейда в вопросах человеческой психики и её бессознательных имплицитных процессов, но вместе с тем и указывает на недоработанность некоторых концепций, за многими из которых отсутствует адекватное теоретическое обоснование.

Научный термин “Myopia” автором используется в его общеупотребительном контексте и подразумевает неспособность учёного досконально прорабатывать и доводить до завершённого вида свои научные изыскания. Это – переносное значение слова, т.е. метафора, в которой значение термина в общеупотребительном контексте обуславливается аналогией с его узкоспециальным значением.

Перевод термина эквивалентным для него термином из русского языка «миопия» оказался бы неверным, т.к. в русском языке он используется исключительно в научных кругах и не имеет идентичного терминологического фона, в отличие от своего английского эквивалента.

Более частотный аналог слова миопия в русском языке представляется словом близорукость. В словаре Ушакова мы находим два значения данного слова:

- недостаток зрения, свойственный близорукому. Страдать близорукостью,

- перен. Непроницательность, недалёковидность. В своих расчетах он обнаружил крайнюю близорукость.

Совпадение общеупотребительного контекста указывает оптимальный вариант перевода заголовка, при котором восприятие информации для русскоговорящего читателя не усложняется излишней узкоспециальной терминологией, а также сохраняется художественная выразительность метафоры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование основывалось на сравнительном анализе фрагмента книги Тимоти Уилсона «Чужие себе» (приложение А) и его перевода (приложение Б). Определение стилевой принадлежности текста вызвало затруднение, т.к. основные подходы к выделению стиля научно-популярной литературы оказались достаточно спорными для установления прагматики текста, которая бы обуславливала выбор переводческих решений.

Определение фоновых знаний вызвало значительно меньше затруднений, т.к. в данной области существует большое количество научных работ светских и российских лингвистов, в которых фоновые знания, или, другими словами, экстралингвистическая информация, рассматривалась с разных точек зрения, из которых можно было вывести оптимальное определение, удовлетворяющее задачам исследования.

Анализ структуры текста показал, что его разные части могут выполнять различные функции в контексте научно-популярной прагматики, а значит – в случае возникновения трудностей при переводе необходимо учитывать контекст не только текста в целом, но и отдельного функционального блока.

Поэтому, для практического исследования была выбрана синкретическая стилевая модель, в которой делается акцент на многостильности текста.

Благодаря такому подходу научно-популярный текст открылся с совершенно новой стороны – как сложный многомерный феномен, похожий на мозаику, в которой каждый отдельный элемент отличается от других по форме и цвету, однако вместе они создают полную картину, при этом общее свойство у них сохраняется. Таким свойством синкретической природы научно-популярного текста становится его доминанта, направленная на упрощение передачи научных данных для лучшего восприятия со стороны читателя.

Для обоснования выводов в теоретической части работы были использованы труды выдающихся советских и российских учёных-лингвистов. В число работ входили учебные пособия, монографии и диссертации. В практической части исследования отличным подспорьем были толковые словари, многие из которых просты и удобны в использовании, как, например, словарь Merriam-Webster, перенесённый на формат интернет сайта.

Перевод культурных реалий потребовал наличия знаний о некоторых особенностях устройства западноевропейских стран, как, например, в случае перевода предложения, содержащего информацию о двенадцати классах образования в средней школе в США. Трудности возникали и при переводе специфичной для психологии терминологии, т.к. их перевод предполагал не только обращение к билингвическим словарям, но и понимание их узкоспециального значения.

На основании полученных данных производилось исследование влияния фоновой информации на текст и степень её важности для переводчика. Благодаря научным работам Е.М. Костомарова и В.Г. Верещагина определение места экстралингвистической информации в тексте не составило труда. Практический анализ случаев перевода единиц, содержащих фоновую информацию, показал, что достижение адекватного, хорошего перевода без знаний культурных реалий страны переводимого текста, а также общеязыковых значений терминологии, не представляется возможным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / под. ред. М. В. Лазовой / М.: «Советская энциклопедия», 1966. – 598 с.
- 2 Бархударов, Л. С. Язык и перевод [Текст] / Л. С. Бархударов / М.: «Международные отношения», 1975. – 240 с.
- 3 Верещагин, Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура [Текст] / под ред. академика Ю. С. Степанова / М.: Индрик, 2005. – 1035 с.
- 4 Воронцова, Т. А. Элементарная стилистика [Текст] / Т. А. Воронцова / Ижевск.: «Удмуртский университет», 2009. – 129 с.
- 5 Граудина, Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи [Текст] / под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева / М.: Издательская группа «НОРМА–ИНФРА», 1999. – 560 с.
- 6 Гринев, С. В. Введение в терминоведение [Текст] / С. В. Гринев / М.: Академия, 2008. – 304 с.
- 7 Елина, Е.А. Стилистика русского языка и культура речи [Текст] / Е. А. Елина / Саратов, Саратовский государственный социально-экономический университет, 2010. – 92 с.
- 8 Клушина, Н. И., Малыгина Л. Е. Стилистика научной речи и редактирование учебно-методических материалов [Текст] / Н. И. Клушина, Л. Е. Малыгина / Меринос, 2018. – 120 с.
- 9 Кожина, М. Н. Стилистика русского языка [Текст] / М. Н. Кожина / М.: «Просвещение», 1977. – 223 с.
- 10 Красных, В. И. Русские глаголы и предикаты. Словарь сочетаемости [Текст] / В. И. Красных / М.: «Айрис Лингва», 1993. – 224 с.
- 11 Крылова, О. А. Функциональная стилистика [Текст] / О. А. Крылова / М.: «Айрис Рольф», 1997. – 447 с.
- 12 Левин, В. Д. О некоторых вопросах стилистики, «Вопросы языкознания» [Текст] / В. Д. Левин / М.: 1954. – 152 с.

13 Пешковский, А. М. Избранные труды [Текст] / А. М. Пешковский / М, Учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1959. – 250 с.

14 Писарев, Д. И. Собрание сочинений. Народные книжки [Текст] / Д. И. Писарев / Санкт-Петербург: «Общественная польза», 1894. – 329 с.

15 Современные проблемы лингвистики и методики преподавания английского языка. Статья. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://urok.1sept.ru/%d1%81%d1%82%d0%b0%d1%82%d1%8c%d0%b8/512396/>

16 Солганик, Г. Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. [Текст] / Г. Я. Солганик / М.: Флинта, Наука, 1997. – 256 с.

17 Стилистическая дифференциация языка [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://sites.google.com/site/stilisticskaadifferenciacia/>

18 Томахин, Г. Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения [Текст] / Г. Д. Томахин / Тамбов: «Грамота», 2012. – с. 117-120

19 Троянская, Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей [Текст] / Е. С. Троянская / М.: Наука, 1984. – с. 16-27

20 Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=54120>

21 Фудель, Н. С., Васильева А. Н. Вопросы стилистики в преподавании русского языка иностранцам [Текст] / Н. С. Фудель, А. Н. Васильева / М.: МГУ, 1972.

22 Химик, В. В. Культура речи. Научная речь [Текст] / В. В. Химик / М.: Юрайт, 2016. – 284 с.

23 Globaldialog Обучение и образование за рубежом [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.globaldialog.ru/countries/usa/secondary_education/shkolnoe-obrazovanie-v-ssha/

24 Frank Batten School of Leadership and Public Policy, UVA
[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:50Vlaywyf78J:https://batten.virginia.edu/school/people/timothy-wilson&hl=ru&gl=ru&strip=1&vwsrc=0>

25 Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.merriam-webster.com>

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Оригинал фрагмента книги «Strangers to Ourselves» (Timothy D. Wilson)

It might seem that self-knowledge is a central topic in psychology. In some ways it is; from Freud onward, psychologists have been fascinated by the extent to which people know themselves, the limits of this knowledge, and the consequences of failures of self-insight. Surprisingly, however, self-knowledge has not been a mainstream topic in academic psychology. There are few college courses on selfknowledge and few books devoted to the topic, if we rule out self-help books and ones from a psychoanalytic point of view. I think this is about to change. In recent years there has been an explosion of scientific research on self-knowledge that paints a different portrait from the one presented by Freud and his followers. People possess a powerful, sophisticated, adaptive unconscious that is crucial for survival in the world. Because this unconscious operates so efficiently out of view, however, and is largely inaccessible, there is a price to pay in self-knowledge. There is a great deal about ourselves that we cannot know directly, even with the most painstaking introspection. How, then, can we discover our nonconscious traits, goals, and feelings? Is it always to our advantage to do so? To what extent are researchers in academe rediscovering Freud and psychoanalysis? How can selfknowledge be studied scientifically, anyway? These are the questions to which I turn in the following pages. The answers are often surprising and have direct, practical, implications for everyday living.

I have been interested in these questions since I arrived in Ann Arbor to attend graduate school in the fall of 1973, fresh from my graduating class of twelve at Hampshire College (a small, experimental college in Massachusetts then in its third year of existence). The University of Michigan was an amazingly stimulating place, and I am grateful to the many there who helped launch my career in social psychology. I owe a special debt to my mentor, Dick Nisbett, who taught me how to

pursue ideas about selfknowledge empirically and to think about them theoretically. Many of the ideas in this book took seed in the stimulating conversations we had at the Institute for Social Research in the mid-1970s. Even more important, Dick showed me that social psychology is not just a profession or academic pursuit, but a way of life that challenges basic assumptions about the world. I also want to thank the many graduate students I have worked with over the years who helped me investigate the issues discussed here, including Sarah Algoe, David Centerbar, Michelle Damiani, Dana Dunn, Liz Dunn, Sara Hodges, Debby Kermer, Kristen Klaaren, Dolores Kraft, Jaime Kurtz, Suzanne LaFleur, Dan Lassiter, Doug Lisle, Jay Meyers, Nicole Shelton, Julie Stone, and Thalia Wheatley. I can't imagine having pursued these ideas without this impressive bunch to share the fun and hard work. I also thank John Bargh, Jon Haidt, Angeline Lillard, Jonathan Schooler, Dan Wegner, Dan Willingham, and Drew Westen, who read all or part of the manuscript and provided valuable feedback. Finally, I am grateful to my Harvard University Press editor, Elizabeth Knoll, for her wise, witty, and patient counsel during the seemingly endless time it took to write this book. The topic of self-knowledge is an intimate one, and in the following pages I draw upon my own and many of my friends' experiences. To avoid any embarrassment I have sometimes changed the names of my friends and the details of their experiences. My own embarrassing experiences are pretty much intact.

Strangers to Ourselves

Freud's Genius, Freud's Myopia

What are more important than matters of the heart? Or more difficult to decipher? Some people are blessed by knowing exactly what it is their hearts desire, but are cursed by not knowing how to achieve it. Like King Lear, some stumble into a course of action precisely opposite to the one that would satisfy their hearts and minds. Because of their own pride, stubbornness, or lack of self-insight, their goals remain unfulfilled. But at least such people know what they want, be it their daughters' devotion, a lover's embrace, or peace of mind. A worse fate is not knowing what it is our hearts desire. Consider Marcel, in Proust's Remembrance of

Things Past, who is convinced that he no longer loves Albertine and broods and plots and schemes about ways of leaving her, until his housekeeper rushes in with the news that Albertine has left him. At the instant he hears the words, Marcel realizes how much he still loves Albertine: ((These words: 'Mademoiselle Albertine has gone!' had expressed themselves in my heart in the form of an anguish so keen that I would not be able to endure it for any length of time. And so what I had supposed to mean nothing to me was the only thing in my whole life. How ignorant we are of ourselves." Marcel's ignorance of his own feelings is far from rare. Consider Susan, a friend of mine who was once involved with a man named Stephen. Stephen was a very nice guy, kind and attentive and reliable and clearly head over heels in love with Susan. Both he and Susan were social workers and shared many interests. They dated for over a year, and the relationship seemed to be getting quite serious, except for one problem It was obvious to all Susan's friends that she did not love Stephen. She thought she did, but as far as we could see, Susan had convinced herself that she felt something that she didn't. Stephen was a dear friend, yes, but was he someone she deeply loved and wanted to spend the rest of her life with? No way. Eventually Susan realized that she had been mistaken and ended the relationship. Perhaps Marcel and Susan are exceptions, people who are especially blind to their own hearts and minds. Yet I suspect that most of us can think of times when we were in a similar state of confusion, like Elizabeth in *Pride and Prejudice*, who found that her feelings toward Mr. Darcy "could not be exactly defined":

She respected, she esteemed, she was grateful to him, she felt a real interest in his welfare; and she only wanted to know how far she wished that welfare to depend upon herself, and how far it would be for the happiness of both that she employ the power, which her fancy told her she still pos-sessed, of bringing on the renewal of his addresses.

Imagine that at such times of confusion we could hook ourselves up to a machine called an Inner Self Detector. After attaching electrodes to our temples and adjusting the dials we could ask questions like "How do I really feel about Stephen (or Mr. Darcy)?" After a few whirs and clicks the machine would display the answer

on a little monitor (a more technologically advanced version, perhaps, of the Magic Eight Ball that kids use at slumber parties to tell their futures). To see how people would make use of an Inner Self Detector, I asked the students in one of my college seminars to list the questions they would ask of it. Like Elizabeth in *Pride and Prejudice*, some of the students wanted to know how they really felt about someone. One person, for example, said her first question would be "How do I truly feel about a couple of people in my life?" How nice it would be to have a machine to tell us the answer to questions like this! The students also had questions about the nature of their own personalities, including their traits and abilities (e.g., "What is my main objective/motivation in life?" "Why am I socially inept in certain situations?" "Why do I sometimes lack motivation for doing homework?"). Some of these questions, such as those about academic performance and careers, are undoubtedly specific to the uncertainties of early adulthood. Even seasoned adults, however, sometimes wonder about their personalities and abilities. Blindness to one's character can lead people to make poor choices, such as the man who assumes that he has what it takes to lead a fulfilling life as a lawyer when he is better suited to be a teacher, or the woman who turns down an offer to make an important speech because of the mistaken belief that she could never pull it off. The students also wanted to know why they felt or acted the way they did, such as what it was that made them happy. Understanding the causes of our responses is crucial to avoiding unwanted influences on our feelings and behavior. Consider a lawyer who interviews an AfricanAmerican applicant for a job as an associate in her firm. She finds the candidate to be cold, unfriendly, and a tad aggressive, and thus recommends that he not be hired. She is a fair-minded person who believes that her negative impression had nothing to do with the applicant's race. But what if she is wrong, and his race did influence her impression without her knowing it? She cannot confront her racism and try to change it if she does not know that it exists and is influencing her judgment.

This book is concerned with two main questions: Why it is that people often do not know themselves very well (e.g., their own characters, why they feel the way

they do, or even the feelings themselves)? And how can they increase their self-knowledge? There are undoubtedly many reasons for a lack of self-insight; people may be blinded by their hubris (a favorite Greek and Shakespearean theme), confused, or simply never take the time to examine their own lives and psyche very carefully. The reason I will address-perhaps the most common of all-is that much of what we want to know about ourselves resides outside of conscious awareness. The idea that a large portion of the human mind is unconscious is not new and was Freud's greatest insight. Modern psychology owes Freud a large debt for his willingness to look beyond the narrow corridor of consciousness. A revolution has occurred in empirical psychology concerning the nature of the unconscious, however, that has revealed the limits of the Freudian conception. Initially, research psychologists were skittish about even mentioning nonconscious mental processes. In the first half of the twentieth century, the behaviorist onslaught in psychology was fueled by a rejection of mentalism; behaviorists argued that there was no need to take into account what occurred inside people's heads, consciously or unconsciously. In the late 1950s, mainstream psychology took the giant step of rejecting behaviorism and initiating the systematic study of the mind. But the first experimental psychologists to leap off the behaviorism bandwagon said little about whether those aspects of the mind they were studying were conscious or unconscious. This was a taboo question; few psychologists wanted to jeopardize the newfound respectability of the mind as a scientific topic by saying, ((Hey, not only can we study what people are thinking; we can study what goes on inside their heads that even they can't see!" In the psychological laboratories of academe, few self-respecting psychologists wanted to risk the accusation that they were, God forbid, Freudians. But as cognitive and social psychology flourished, a funny thing happened. It became clear that people could not verbalize many of the cognitive processes that psychologists assumed were occurring inside their heads. Social psychologists, for example, were developing models of the way in which people process information about the social world, including how they formulate and maintain stereotypes of other groups, judge other people's personality, and make

attributions about the causes of their own and other people's actions. The more researchers studied these mental processes, the clearer it became that people were not aware of their occurring. When researchers debriefed participants about what they must have been thinking during their experiments, they were disconcerted to find that the participants often shook their heads and said, "That's a very interesting theory, professor, but I'm afraid that I don't recall having had any thoughts remotely like that:"³ Most of the mental processes studied by cognitive and social psychologists turned out to occur out of view of the people who had them. This fact became impossible to ignore, and theories of nonconscious processing began to creep into experimental psychology. Still, many psychologists were reluctant to use the word "unconscious," out of fear that their colleagues would think they had gone soft in the head. Several other terms were invented to describe mental processes that occur outside of conscious awareness, such as "automatic;" "implicit;" "pre-attentive;" and "procedural:" Sometimes these terms do a better job of describing a specific type of mental process than the general term "nonconscious:" The study of automatic processing has flourished, for example, and a lack of awareness of these processes is only one of its defining features. ⁴ But the terms "unconscious" or "nonconscious" now appear with increasing frequency in mainstream journals. A picture has emerged of a set of pervasive, adaptive, sophisticated mental processes that occur largely out of view. Indeed, some researchers have gone so far as to suggest that the unconscious mind does virtually all the work and that conscious will may be an illusion. Though not everyone is prepared to relegate conscious thought to the epiphenomenal refuse heap, there is more agreement than ever before about the importance of nonconscious thinking, feeling, and motivation. ⁵ The gulf between research psychologists and psychoanalysts has thus narrowed considerably as scientific psychology has turned its attention to the study of the unconscious. This gap has not been bridged completely, however, and it is clear that the modern, adaptive unconscious is not the same as the psychoanalytic one.

The Adaptive Unconscious versus the Freudian Unconscious

Freud changed his views often, most notably from his topological model of the mind to the structural theory, with the publication of *The Ego and the Id* in 1923. There are also several schools of modern psychoanalytic thought, with varying emphases on unconscious drives, object relations, and ego function. To compare the modern view of the adaptive unconscious with the Freudian unconscious is like trying to aim at moving targets. Nonetheless there are clear differences between the views.

WHAT IS THE NATURE OF THE UNCONSCIOUS?

Freud's topographic model of the mind distinguished between two types of unconscious processes. First, people have a multitude of thoughts that are simply not the focus of their current attention, such as the name of their seventh -grade math teacher. This kind of information is in the preconscious, Freud said, and could easily be made conscious by directing attention to it. More importantly, Freud noted, there is a vast storehouse of primitive, infantile thought that is kept out of consciousness because it is a source of psychic pain. These kinds of thoughts are repressed for a purpose, not simply because our attention is drawn elsewhere. Freud's subsequent structural model of the mind was more complex, in that it allocated unconscious processes to the ego and superego as well as to the id, but he continued to focus on unconscious thought that was primitive and animalistic, and characterized conscious thought as more rational and sophisticated. According to the modern perspective, Freud's view of the unconscious was far too limited. When he said (following Gustav Fechner, an early experimental psychologist) that consciousness is the tip of the mental iceberg, he was short of the mark by quite a bit-it may be more the size of a snowball on top of that iceberg. The mind operates most efficiently by relegating a good deal of high -level, sophisticated thinking to the unconscious, just as a modern jumbo jetliner is able to fly on automatic pilot with little or no input from the human, "conscious" pilot. The adaptive unconscious does an excellent job of sizing up the world, warning people of danger, setting goals, and initiating action in a sophisticated and efficient manner. It is a necessary and extensive part of a highly efficient mind and not just the demanding child of the mental family and the defenses

that have developed to keep this child in check. Nor is the unconscious a single entity with a mind and will of its own. Rather, humans possess a collection of modules that have evolved over time and operate outside of consciousness. Though I will often refer to the adaptive unconscious as a convenient shorthand, I do not mean to characterize it as a single entity, as the Freudian unconscious typically is. For example, we have a nonconscious language processor that enables us to learn and use language with ease, but this mental module is relatively independent of our ability to recognize faces quickly and efficiently and our ability to form quick evaluations of whether environmental events are good or bad. It is thus best to think of the adaptive unconscious as a collection of city-states of the human mind and not as a single homunculus like the Wizard of Oz, pulling strings behind the curtain of conscious

WHY DOES THE UNCONSCIOUS EXIST?

Freud argued that our primitive urges often do not reach consciousness because they are unacceptable to our more rational, conscious selves and to society at large; they "remind one of the legendary Titans, weighed down since primaeval ages by the massive bulk of the mountains which were once hurled upon them by the victorious gods."⁷ People have developed myriad defenses to avoid knowing what their unconscious motives and feelings are, some of which (sublimation) are healthier than others (repression, reaction formation, etc.). The therapeutic process involves the elucidation and circumvention of unhealthy defenses, which is difficult precisely because people are so motivated to keep their unconscious motives and feelings hidden. According to the modern view, there is a simpler reason for the existence of unconscious mental processes. People cannot directly examine how many parts of their minds work, such as basic processes of perception, memory, and language comprehension, not because it would be anxiety provoking to do so, but because these parts of the mind are inaccessible to conscious awareness-quite possibly because they evolved before consciousness did. If we were to ask people to tell us exactly how they perceive the world in three dimensions, for example, or how their minds are able to parse a continuous stream of noise emitted by another person into comprehensible speech, they would be quite tongue-tied. Consciousness is a limited -capacity system, and to

survive in the world people must be able to process a great deal of information outside of awareness. Carl Jung acknowledged this point in the 1920s:

The unconscious has also still another aspect: within its compass are included not only the repressed content but also all such psychical material as does not reach the threshold of consciousness. It is impossible to explain the sub-threshold character of all this material by the principle of repression, otherwise a man, at the release of repression, would certainly achieve a phenomenal memory that forgot nothing. 8 Freud undoubtedly would agree, saying something like "Yes, yes, but this kind of unconscious thinking is the small stuff; nuts and bolts, lowlevel thinking that is much less interesting than matters of the heart and mind, such as love, work, and play. Of course we do not have conscious access to such things as how we perceive depth, just as we do not have conscious access to how our digestive tracts operate. The fact remains that repression is the reason why more important, higher-order mental processing is unconscious. People could directly access their primitive urges and desires, if repression and resistance were circumvented, but generally we do our best to keep such thoughts and feelings outside of " awareness. In contrast, the modern view of the adaptive unconscious is that a lot of the interesting stuff about the human mind-judgments, feelings, motives-occur outside of awareness for reasons of efficiency, and not because of repression. Just as the architecture of the mind prevents lowlevel processing (e.g., perceptual processes) from reaching consciousness, so are many higher-order psychological processes and states inaccessible. The mind is a well-designed system that is able to accomplish a great deal in parallel, by analyzing and thinking about the world outside of awareness while consciously thinking about something else. This is not to deny that some thoughts are quite threatening and that people are sometimes motivated to avoid knowing them. Repression may not, however, be the most important reason why people do not have conscious access to thoughts, feelings, or motives. The implications of this fact for how to gain access to the unconscious cannot be underestimated and are a major topic of this book. illustrate further how the adaptive unconscious differs from the Freudian version, let's engage in a bit of counterfactual

history, in which we imagine how ideas about the unconscious would have developed if Freud had never proposed his theory of psychoanalysis. To do so, it is necessary to consider briefly the status of preFreudian thinking about unconscious processes. In the nineteenth century, the long shadow of Descartes influenced thinking about the nature of the unconscious. Descartes is best known for his sharp division of the mind and the body. So-called Cartesian dualism, or the "mind-body" problem, has occupied philosophers and psychologists ever since. Many have rightly objected to the idea that the mind and the body are separate entities that obey different laws, and few philosophers or psychologists today would identify themselves as dualists; Descartes made a related error that is less well known but no less egregious. Not only did he endow the mind with a special status that was unrelated to physical laws; he also restricted the mind to consciousness. The mind consists of all that people consciously think, he argued, and nothing else. This equation of thinking and consciousness eliminates, with one swift stroke, any possibility of nonconscious thought—a move that was called the "Cartesian catastrophe" by Arthur Koestler and "one of fundamental blunders made by the human mind" by Lancelot Whyte.

Koestler rightly notes that this idea led to "an impoverishment of psychology which it took three centuries to remedy:"¹⁰ Despite Descartes's blunder, a number of nineteenth-century European theorists, such as Pascal, Leibniz, Schelling, and Herbart, began to postulate the presence of nonconscious perception and thought. Especially noteworthy were a group of British physicians and philosophers who developed ideas about nonconscious processing that were openly anti-Cartesian and remarkably similar to current thinking about the adaptive unconscious. These prescient theorists, especially William Hamilton, Thomas Laycock, and William Carpenter, can rightly be called the parents of the modern theory of the adaptive unconscious. They observed that a good deal of human perception, memory, and action occurs without conscious deliberation or will, and concluded that there must be "mental latency" (Hamilton's term, drawing on Leibniz), "unconscious cerebration" (Carpenter's term), or a "reflex action of the brain" (Laycock's term).¹¹

Their description of nonconscious processes is remarkably similar to modern views; indeed, quotations from some of their writings could easily be mistaken for entries in modern psychological journals:

Lower-order mental processes occur outside of awareness. Hamilton, Carpenter, and Laycock observed that the human perceptual system operates largely outside of conscious awareness, an observation also made by Hermann Helmholtz. Though this view seems obvious today it was not widely accepted at the time, largely as a result of the legacy of Cartesian dualism. It was not widely accepted by modern psychologists until the cognitive revolution of the 1950s.

- Divided attention. William Hamilton observed that people can consciously attend to one thing while nonconsciously processing another. He gave the example of a person who is reading aloud and finds that his or her thoughts have wandered onto some other topic altogether: "If the matter be uninteresting, your thoughts, while you are going on in the performance of your task, are wholly abstracted from the book and its subject, and you are perhaps deeply occupied in a train of serious meditation. Here the process of reading is performed without interruption, and with the most punctual accuracy; and, at the same time, the process of meditation is carried on without distraction or fatigue."¹² Hamilton foreshadowed the influential theories of selective attention that were developed a century later.
- Automaticity of thought. The nineteenth-century theorists argued that thinking can become so habitual as to occur outside of awareness with no conscious attention, an idea that was not formally developed in psychology until the 1970s. William Carpenter, for example, noted that "The more thoroughly. . . we examine into what may be termed the Mechanism of Thought, the more clear does it become that not only an automatic, but an unconscious action enters largely into all its processes."¹³
- Implications of nonconscious processing for prejudice. One of the most interesting properties of the adaptive unconscious is that it uses stereotypes to categorize and evaluate other people. William Carpenter presaged this work more than a century ago, by noting that people develop habitual "tendencies of thought" that are nonconscious and that these thought patterns can lead to "unconscious prejudices which we thus form,

[that] are often stronger than the conscious; and they are the more dangerous, because we cannot knowingly guard against them."¹⁴ · Lack of awareness of one's own feelings. A controversial claim about the adaptive unconscious is that it can produce feelings and preferences of which people are unaware. Carpenter argued that emotional reactions can occur outside of awareness until our attention is drawn to them: "Our feelings towards persons and objects may undergo most important changes, without our being in the least degree aware, until we have our attention directed to our own mental state, of the alteration which has taken place in them." Central parts of our personalities reside out of view, such that we do not have access to important aspects of who we are? William Hamilton wrote extensively about the way in which habits acquired early in life become an indispensable part of one's personality.¹⁶ These mental processes were said to constitute a kind of "automatic self" to which people had no conscious access—an idea that was not to reappear in psychology for more than 100 years.

Why has Hamilton, Laycock, and Carpenter's work largely been forgotten? The answer, in no small part, is that the very different kind of unconscious proposed by Freud prevented these views from ever making it to the center stage. To my knowledge Freud never quoted or referred to these theorists. If he was aware of their writings, he probably viewed their ideas as irrelevant to the dynamic, repressive Unconscious with a capital U. But what if Freud had never proposed his theory of psychoanalysis? Imagine that the anti-Semitism of nineteenth-century Vienna had not blocked Freud's budding career as a university professor studying physiology, and he had continued to investigate the spinal cords of fish. Or imagine that he had become addicted to the cocaine he experimented with in 1884, or had never met Josef Breuer, with whom he began his seminal studies of hysteria. As with any life, there are an infinite number of "what ifs" that might have changed the course of Freud's career. Imagine that experimental psychology began as a discipline uninfluenced by psychoanalytic thinking in two key respects. First, researchers felt no need to distance themselves from difficult to test ideas about a dynamic unconscious. They were free to theorize about nonconscious thinking in the same

way that Laycock, Carpenter, and Hamilton had, namely as a collection of efficient and sophisticated information processing systems. Second, they were free to investigate the mind, even the parts that were unconscious, with experimental techniques. An important part of the Freudian legacy was a rejection of the scientific method as a means of studying the mind. The complex nature of unconscious processes could not be examined in controlled experiments, Freud believed, and could be uncovered only by careful clinical observation. Astute clinical observation can be quite illuminating, of course, but psychologists might have turned sooner to the experimental study of mental processes without this methodological limitation.

13 Freud's Genius, Freud's Myopia

Even in a Freudian vacuum, researchers interested in the unconscious would still have had to contend with the behaviorist movement, which regarded the mind as unworthy of study by any method. One reason behaviorism flourished in the early and mid-twentieth century, however, was that it provided a scientific alternative to what was viewed as the fuzziness of psychoanalytic concepts and methods. Without this backdrop, it is possible that psychology would have discovered sooner than it did that the mind, including the nonconscious mind, can be studied scientifically. Thus, in my counterfactual fantasy, cognitive and social psychologists applied their well-honed experimental techniques to the study of the sophisticated, adaptive unconscious sooner than they actually did. Undeterred by the theoretical and methodological obstacles psychoanalysis created for experimental psychology, research and theorizing on the adaptive unconscious flourished. This counterfactual history is sure to offend those who find Freud's views indispensable in theorizing about the unconscious. Some theorists, such as Matthew Erdelyi and Drew Westen, have argued persuasively that psychoanalysis was crucial to the development of modern thinking about the unconscious, and that, indeed, modern research has largely corroborated Freud's major insights about the nature of unconscious thought. I agree that Freud's greatest insight was about the pervasiveness of unconscious thinking and we owe him a tremendous debt for his dogged, creative pursuit of the

nature of the unconscious mind. It is hard to deny the importance of an infantile, dynamic, crafty, Freudian unconscious, in part because the psychoanalytic narrative is so seductive and explains so much. My counterfactual exercise is meant simply to illustrate that it is not the only narrative about the unconscious, and that we might have reached the current one more quickly if psychoanalysis had not so dominated the intellectual stage. The narrative of the adaptive unconscious might appear to remove all that is interesting about unconscious processing. The reader with a psychoanalytic bent might find the adaptive unconscious, with its emphasis on automatic information processing, to be dry, emotionless, and, perhaps worst of all, boring. The Freudian unconscious is ingenious, clever, and sexy and has been the topic of great literature at least since Sophocles. There are few great plays or novels on the automatic pilot of the mind, and focusing exclusively on the adaptive unconscious may seem like talking about romantic love without passion and sex. This view is misleading, however, because it underestimates the role that the adaptive unconscious plays in all the important and interesting things in life, including Freud's *arbeiten und lieben* (work and love). As we will see, the adaptive unconscious is not involved in just the small stuff, but plays a major role in all facets of life. The failure to find great literature on the adaptive unconscious may say more about the pervasiveness of psychoanalytic thinking than about anything else. Yet the modern view of the unconscious is not anti-Freudian. To say that we possess a sophisticated and efficient set of nonconscious processes that are indispensable for navigating our way through the world is not to deny that there may also be dynamic forces at work keeping unpleasant thoughts out of awareness. There will be times, in the chapters to come, when we encounter phenomena that have a Freudian hue to them, whereby it seems that the forces of repression are at work. Some readers might react by saying, ((Hey, didn't Freud say that?" -and the answer might well be that he, or one of his many followers, did. The question to keep in mind, though, is ((Do we need Freudian theory to explain that? Are there simpler explanations for the kinds of unconscious phenomena he discussed?" Sometimes the answer may be that Freud was right about the dynamic, repressed nature of the unconscious. On other

occasions the answer might be that although Freud did not say it, one of his many followers did, particularly those who have moved beyond an emphasis on childhood drives and stressed the role of object relations and the ego functioning. Often, however, we will see evidence for a vast nonconscious system quite different from what Freud imagined. Furthermore, Freud and his followers often disagreed about key points, and over his long career Freud himself changed his mind about key concepts such as the nature of repression. The question thus arises of how we know which of these many ideas are true. A tremendous advantage of the modern psychological approach is a reliance on the experimental method to investigate mental phenomena. There has been an explosion of research on the adaptive unconscious because of the development of some quite clever experimental techniques to study it, many of which we will discuss here. Clinical observations and case histories can be a rich source of hypotheses about the nature of the unconscious, but in the end we must put such ideas to the test in a more rigorous and scientific manner. Thus, even if the answer is "Yes, Freud did say that;" he or his followers might also have said something entirely different, and it is only through the work of empirically minded psychologists that we can tell the true nuggets from the fool's gold.

Implications for Self-Insight

Another key difference between the Freudian and modern approach lies in their views of how to attain self-insight. Psychoanalysis shares with many other approaches the assumption that the path to self-knowledge leads inward. Through careful introspection, the argument goes, we can penetrate the haze that obscures our true feelings and motives. No one claims that such introspection is easy. People must recognize the barriers of repression and resistance and remove them. But when such insight is accomplished, often with the aid of a therapist, people have direct access to their unconscious desires. "It is the task of the analyst," wrote Anna Freud, "to bring into consciousness that which is unconscious" -an assumption made by all forms of insight therapy. 19 But here's the problem: research on the adaptive unconscious suggests that much of what we want to see is unseeable. The mind is a

wonderfully sophisticated and efficient tool, more so than the most powerful computer ever built. An important source of its tremendous power is its ability to perform quick, nonconscious analyses of a great deal of incoming information and react to that information in effective ways. Even while our conscious mind is otherwise occupied, we can interpret, evaluate, and select information that suits our purposes. That's the good news. The bad news is that it is difficult to know ourselves because there is no direct access to the adaptive unconscious, no matter how hard we try. Because our minds have evolved to operate largely outside of consciousness, and nonconscious processing is part of the architecture of the brain, it may be not be possible to gain direct access to nonconscious processes. "Making the unconscious conscious" may be no easier than viewing and understanding the assembly language controlling our word-processing computer program. It can thus be fruitless to try to examine the adaptive unconscious by looking inward. It is often better to deduce the nature of our hidden minds by looking outward at our behavior and how others react to us, and coming up with a good narrative. In essence, we must be like biographers of our own lives, distilling our behavior and feelings into a meaningful and effective narrative. The best way to author a good self-story is not necessarily to engage in a lot of navel-gazing introspection, trying to uncover hidden feelings and motives. In fact there is evidence that it can be counterproductive to look inward too much. We will see evidence that introspection about feelings can cause people to make unwise decisions and to become more confused about how they feel. To be clear, I am not disparaging all kinds of introspection. Socrates was only partly wrong that the "unexamined life is not worth living." The key is the kind of self-examination people perform, and the extent to which people attempt to know themselves solely by looking inward, versus looking outward at their own behavior and how others react to them.

The Adaptive Unconscious

I do not hesitate to maintain, that what we are conscious of is constructed out of what we are not conscious of-that our whole knowledge, in fact, is made up of the unknown and incognisable. -Sir William Hamilton (1865)

Outside consciousness there rolls a vast tide of life which is perhaps more important to us than the little isle of our thoughts which lies within our ken. -E. S. Dallas (1866)

Consider for a moment how hard it is to describe the nature of conscious experience. It is difficult for the simple reason that we cannot observe conscious states directly in anyone but ourselves. How can I be certain that my subjective experience is like yours? We can try to describe our thoughts and feelings to each other, of course, but we have no way of knowing whether the words we use are referring to the same thing, as in the classic enigma of whether my experience of the color red is the same as yours. Despite these conundrums, we can at least agree that there is a phenomenon to be understood. We know that there is such a thing as consciousness because we have all experienced it firsthand. Moreover, we can reach consensus about some of the contents of consciousness. Most of us would agree that emotions are an important part of conscious experience, because we have all felt love, anger, and fear. We would agree that consciousness can involve a mental projection of images, because if someone said, "Think of a dachshund:" we could easily do so. True enough, I have no way of knowing whether your mental image of a dachshund is anything like mine, but we could at least agree that we can both project such images in the theater of consciousness. It is much more difficult to describe the adaptive unconscious, precisely because we do not experience it firsthand. If you said to me, "Think about the last time you made a nonconscious assumption about what another person was like:" the best I could give you would be a blank stare. Describing the parts of our mind that are out of view is as difficult as describing the operation of our kidneys or pineal glands. Even more difficult, actually, because we do not have magnetic-resonance-imaging machines that can take pictures of the adaptive unconscious. Thus, the best way to begin describing the parts of our minds we cannot observe directly is perhaps to describe what it would be like to lose our nonconscious minds.

The Unconscious Takes a Holiday

Consider a man who awoke one Saturday morning with a terrible malady: the unconscious parts of his mind had stopped functioning, and he had only his conscious mind to guide his thoughts, feelings, and actions—an Aware Head, so to speak. How would he fare? If we had posed this question to René Descartes three centuries ago, he would have replied that this man's day would be like any other; what we are aware of is what we think, because there are no other mental processes. A surprising number of early twentieth-century psychologists (and even a few stubborn holdouts today) would agree, arguing that there is no such thing as unconscious thought. In honor of Descartes, we will call the person who has lost his nonconscious mind "Mr. D." It would be immediately apparent that Descartes was wrong and that Mr. D.'s day would not be like any other, beginning with his attempt to get out of bed. Humans have a "sixth sense" called proprioception, which is the sensory feedback they constantly receive from their muscles, joints, and skin, signaling the position of their bodies and limbs. Without knowing it, we constantly monitor this feedback and make adjustments to our bodies; for example, when we lift our left arm, we subtly shift some weight to the right side of our bodies to maintain our balance. If we didn't, we would list dangerously to one side. In rare cases people lose their sense of proprioception, with grave consequences. The physician Jonathan Cole documented the case of Ian Waterman, a man who suffered nerve damage when he was nineteen and lost all proprioception. Mr. Waterman was like the straw man in the Wizard of Oz, newly released from his pole. If he tried to stand, he ended up in a heap of tangled limbs on the floor. As long as he focused on his arm or leg he could keep it still, but as soon as he looked away, it would start moving uncontrollably. With a great deal of courage and hard work, Mr. Waterman was able to regain some control of his body, by replacing his unconscious proprioception with conscious attention. He learned to walk, to dress himself, and even to drive a car by watching himself carefully with fierce concentration. He literally kept an eye on himself at all times, because he was in trouble if he lost sight of his body. One day he was standing in the kitchen and there was a sudden power failure, casting the room into darkness. Mr. Waterman immediately fell to the floor.

Because he could not see his body, he could no longer control it. We are completely unaware of this critical sensory system. We can stand and close our eyes and keep our balance, with no awareness of how much mental work is involved. It is only the loss of the hidden proprioceptive system, as in Mr. Waterman's case, that demonstrates how important it is. Proprioception is but one of many nonconscious perceptual systems. An important role of the nonconscious mind is to organize and interpret the information we take in through our senses, transforming light rays and sound waves into the images and noises of which we are aware. We see that the chair in our bedroom is closer to us than the bureau, with no idea of how our brains transformed the light rays striking our retinas into a perception of depth. If these nonconscious computations were to cease, the world would look like a confusing jumble of pixels and colors instead of cohering into meaningful, three-dimensional images. ² In fact it makes little sense to imagine what it would be like to have only a conscious mind, because consciousness itself is dependent on mental processes that occur out of view. We couldn't be conscious without a nonconscious mind, just as what we see on the screen of a computer could not exist without a sophisticated system of hardware and software operating inside the box. Nonetheless, it is worth illustrating the importance of nonconscious thinking by pursuing our thought experiment a little further, exploring in more detail what it would be like to be Mr. D. Let's grant him the use of his perceptual system and see what else would be affected. Suppose Mr. D. turned on the television and heard a newscaster say, "Jones threw his hat into the ring last night, a year before the first presidential primary." When you read this sentence, you did not have to pause after each word and look it up in your mental dictionary; the meanings came to mind immediately. Mr. D., though, does not have this lightning fast ability to "look up" words; he would have to search laboriously for the meaning of each word as he encountered it. It is not even clear that he could access his mental dictionary without the aid of nonconscious processes, but for the sake of the example let's suppose he could. When you read the words "threw his hat into the ring:" you undoubtedly interpreted them to mean that Jones announced that he was running for president, without consciously considering

alternative meanings. You probably did not entertain the possibility that Jones was at the circus and decided that one of the dancing elephants would look nice in his fedora. Of course not, you might think, because it's obvious what the newscaster meant. But why is this obvious? The part about the presidential primaries came after the part about throwing the hat. There was no way you could have known what the newscaster meant when you first read about hat-throwing; you must have read the entire sentence and then back and attached the most likely meaning to the words. All this was done quite rapidly and nonconsciously, with no awareness that you were interpreting what was, in truth, an ambiguous sentence. Alas, poor Mr. D. would have to pause and consider the different meanings of the words and how they might apply in the context in which they were used. By the time he figured it out, the newscaster would be well into the next story about a massive heat wave approaching New England-prompting Mr. D. to wonder whether a tsunami was about to strike Massachusetts. In short, the mental processes that operate our perceptual, language, and motor systems operate largely outside of awareness, much like the vast workings of the federal government that go on out of view of the president. If all the lower-level members of the executive branch were to take the day off, very little governmental work would get done. Similarly, if a person's perceptual, language, and motor systems stopped working, people would find it difficult to function. But what about the higher-order functions that make us uniquely human-our ability to think, reason, ponder, create, feel, and decide? A reasonable portrait of the human mind is that lower-order functions (e.g., perception, language comprehension) operate out of view, whereas higher-order functions (e.g., reasoning, thinking) are conscious. Pursuing our executive-branch analogy, the lower-level employees (the nonconscious mind) gather information and follow orders, but it is the high-level employees, such as the president and the cabinet officers, who ponder information, make decisions, and set policy. And these "mind executives" are always conscious. This portrayal of the mind vastly underestimates the role of nonconscious processing in humans. To illustrate this point, let's make a final concession and give Mr. D. the use of all his "lower-order" perceptual, motor, and language abilities (a quite

generous bequest, given the complexities of language and the vast capacity of humans to communicate quickly and efficiently with the written and spoken word). Would the absence of any further nonconscious processes impair him in any way? Or would he now have a fully equipped human mind?

Mr. D. would be at a severe disadvantage in all aspects of his life. Some very important tasks that we usually ascribe to consciousness can be performed nonconsciously, such as deciding what information to pay attention to, interpreting and evaluating that information, learning new things, and setting goals for ourselves. When we see a truck careening toward us as we are crossing a street, we know instantly that we are in danger and quickly jump out of the way, without having to deliberate consciously about the truck. Mr. D. would not experience that sudden fear in the pit of his stomach, at least not until he had time to retrieve laboriously from memory what he knew about trucks and their effects on unwary pedestrians. Similarly, when meeting someone for the first time we quickly make assumptions about the kind of person she is and experience a positive or negative evaluation-all within seconds or less. Further, much of what we think of as Mr. D.'s personality-his temperament, his characteristic way of responding to people, his distinctive nature that makes him him-would no longer exist. An important part of personality is the ability to respond in quick, habitual ways to the social world. It also means having a healthy psychological defense system, warding off threats to the self in reasonable, adaptive ways. Much of this personality system operates outside of awareness.

A simple definition of the unconscious is anything that is in your mind that you are not consciously aware of at a particular point in time. However, we quickly run into problems here. Suppose I asked you for the name of your hometown. Presumably you did not have any trouble bringing the name of this city into consciousness, even though this city was probably not in your consciousness before I asked you to think about it. Does this mean that the name of your hometown is unconscious most of the time? This argument would seem to be stretching things and highlights the problem of equating consciousness with attention or short-term

memory, as some theorists prefer to do. 3 I, for one, would not want to say that I am unconscious of "Philadelphia" when I am not thinking about it. Philadelphia may not be in my working memory or the object of my current attention, but it is not unconscious, at least in my conception of the term. It is one of the thousands of things I can retrieve from long-term memory when needed-Philadelphia, W. C. Fields's joke about it, the starting lineup of the 1966-67 Philadelphia 76ers, the words and music to "South Street" by the Orlons. Freud described thoughts such as these as residing in the "preconscious;" the mental anteroom in which thoughts remain until they "succeed in attracting the eye of consciousness:'4 What is more interesting is the part of my mind that I cannot access even when I try. A better working definition of the unconscious is mental processes that are inaccessible to consciousness but that influence judgments, feelings, or behavior. No matter how long I tried, I could not access my proprioception system or the way in which my mind transforms light rays that strike my retina into three-dimensional vision. Nor do I have direct access to many of my higher-order mental processes, such as the way I select, interpret, and evaluate incoming information and set goals in motion. The unconscious is notoriously difficult to define, and my definition is but one of many that have been offered. I don't like getting bogged down in definitional issues and will not dwell on the many alternatives. 5 It is more interesting to take a look at what humans can accomplish outside the spotlight of consciousness.

The Adaptive Unconscious, or What Mr. D. Cannot Do

The term "adaptive unconscious" is meant to convey that nonconscious thinking is an evolutionary adaptation. The ability to size up our environments, disambiguate them, interpret them, and initiate behavior quickly and nonconsciously confers a survival advantage and thus was selected for. Without these nonconscious processes, we would have a very difficult time navigating through the world (much less standing up without constant attention, like Ian Waterman). This is not to say that nonconscious thinking always leads to accurate judgments, but on balance it is vital to our survival. 6 Consider that at any given moment, our five senses are taking in more than 11,000,000 pieces of information. Scientists have determined this

number by counting the receptor cells each sense organ has and the nerves that go from these cells to the brain. Our eyes alone receive and send over 10,000,000 signals to our brains each second. Scientists have also tried to determine how many of these signals can be processed consciously at any given point in time, by looking at such things as how quickly people can read, consciously detect different flashes of light, and tell apart different kinds of smells. The most liberal estimate is that people can process consciously about 40 pieces of information per second. Think about it: we take in 11,000,000 pieces of information a second, but can process only 40 of them consciously. What happens to the other 10,999,960? It would be terribly wasteful to design a system with such incredible sensory acuity but very little capacity to use the incoming information. Fortunately, we do make use of a great deal of this information outside of conscious awareness.

LEARNING: THE ADAPTIVE UNCONSCIOUS AS PATTERN DETECTOR

Suppose you were introduced to a person who suffered from amnesia due to brain damage. Organic amnesia can result from a number of traumas to the brain, such as injuries suffered in car accidents, brain surgery, Alzheimer's disease, and Korsakoff's syndrome (brain damage resulting from chronic alcohol abuse). These disorders lead to somewhat different kinds of memory deficits, depending on the exact areas of the brain that are affected. In all of them, however, people lose the ability to form memories of new experiences. If you were to encounter such a person, you probably could not tell right away that he or she suffered from amnesia. People with these disorders usually retain their level of intelligence and their general personalities. Suppose, however, that you were to chat with an amnesiac for awhile, leave the room, and return an hour later. You would find that the person had no memory of having met you before. Everyone, of course, has occasional memory lapses, such as failing to remember the name of someone he or she has just met. What is striking about amnesiacs is that they have no conscious recollection of any new experience. Note my key use of the word "conscious" in the previous sentence. It is now clear that amnesiacs can learn many things nonconsciously. A famous (and

devilish) demonstration of this fact was performed by a French physician named Edouard Claparède. Each time he visited a woman suffering from amnesia, she had no recollection of ever having met him before. He would have to introduce himself anew at each visit. One day, Claparède reached out and shook her hand, as usual, but this time he concealed a pin in his hand. The woman withdrew her hand quickly, surprised at the painful prick. The next time Claparède visited the woman, she showed no sign of recognizing him, and so he reintroduced himself and held out his hand. This time, however, she refused to shake his hand. She had no conscious recollection of ever having met Claparède but somehow "knew" that she shook this man's hand at her own risk. Claparède observed several other examples of such nonconscious learning in this patient; for example, she had no conscious memory of the layout of the institution in which she had lived for six years. When asked how to get to the bathroom or the dining hall, she could not say. However, when she wanted to go to one of these locations, she would walk directly to it without getting lost. 8 There are by now many other examples of people's ability to learn new information nonconsciously. People are even able to understand and retain some of what occurs when they are under general anesthesia. When patients are given suggestions during surgery that they will recover quickly, they subsequently spend less time in the hospital than patients not given the suggestions, despite having no conscious memory of what was said while they were under anesthesia. 9 Cases such as these illustrate the difference between two types of learning, implicit and explicit. Explicit learning is the effortful, conscious kind of memorization we often dread. When we think about the prospect of learning something difficult—a foreign language, how to assemble our new gas grill—we often groan and anticipate a lot of painful work. To accomplish such tasks we need to engage in prolonged concentration, devoting all of our conscious attention to learning vocabulary lists or figuring out how to attach the hose in Figure A11 to the burner in Figure C6. It should thus come as good news that we are capable of learning a great deal of complex information implicitly without any effort at all, such as Claparède's patient's knowledge of how to get to the dining hall. Implicit learning is defined as learning without effort or awareness

of exactly what has been learned. Perhaps the best example is a child's ability to master her native language. Children do not spend hours studying vocabulary lists and attending classes on grammar and syntax. They would be hard pressed to explain what participles are, despite their ability to use them fluently. Humans learn to speak with no effort or intention; it just happens. Implicit learning is one of the most important functions of the adaptive unconscious. Again, let us not oversimplify. The precise nature of implicit learning and its relationship to explicit processing is the topic of much debate and research. Nonetheless, it is clear that the adaptive unconscious is capable of learning complex information, and indeed, under some circumstances it learns information better and faster than our conscious minds. A striking demonstration of implicit learning is a study by Pawel Lewicki, Thomas Hill, and Elizabeth Bizot. The participant's task was to watch a computer screen that was divided into four quadrants. On each trial, the letter X appeared in a quadrant, and the participant pressed one of four buttons to indicate which one. Unbeknownst to the participant, the presentations of the X's were divided into blocks of twelve that followed a complex rule. For example, the X never appeared in the same square two times in a row; the third location depended on the location of the second; the fourth location depended on the location of the preceding two trials; and an X never "returned" to its original location until it had appeared in at least two of the other squares. Although the exact rules were complicated, participants appeared to learn them. As time went by their performance steadily improved, and they became faster and faster at pressing the correct button when the X appeared on the screen. None of the participants, however, could verbalize what the rules were or even that they had learned anything. That they learned the complex rules nonconsciously was shown by what happened next in the experiment. The researchers suddenly changed the rules so that the clues predicting where the X would appear were no longer valid, and the participants' performance deteriorated. They took a very long time to identify the location of the X and made several mistakes. Although participants noticed that they could no longer do the task very well, none of them knew why. They had no awareness that they had learned rules that no longer applied. Instead, they

consciously searched for other explanations for their sudden poor performance. Incidentally, the participants were psychology professors who knew that the study concerned nonconscious learning. Despite this knowledge, they had no idea what they had learned or why their performance suddenly deteriorated. Three of the professors said that their fingers had "suddenly lost the rhythm;" and two were convinced that the experimenters had flashed distracting subliminal pictures on the screen. I I The kinds of rules people learned in this experiment are notoriously difficult to learn consciously. The Lewicki, Hill, and Bizot study may be a case in which the adaptive unconscious does better than our conscious minds. To return to our example of Mr. D., it is becoming clear that without a nonconscious mind, he would not be able to learn complex patterns in his environment quickly and efficiently.

ATTENTION AND SELECTION: THE NONCONSCIOUS FILTER

As noted, our senses are detecting about 11,000,000 pieces of information per second. As you read this book you can probably hear many sounds, such as the ticking of a clock or gusts of wind outside your window. You can see not only the words on this page, but also the page number and the surface against which the book is resting, such as a desk or piece of clothing. You can feel the weight of the book on your hands and the pressure of your foot against the floor. Let's not forget smell and taste, such as the aroma from a cup of coffee or the faint aftertaste of the tuna sandwich you had for lunch. All of this assumes that you are sitting in a quiet spot by yourself as you read. Should you happen to be on a subway or in a public park, the amount of information reaching your senses is of course much larger. How, then, can you possibly read and comprehend the words on this page, with all this competing information striking your senses? How do we make sense of the "blooming, buzzing, confusion" that reaches our senses, in William James's oft-quoted words? We are able to do so because of a wonderful thing called selective attention. We are equipped with a nonconscious filter that examines the information reaching our senses and decides what to admit to consciousness. 12 We can consciously control the "settings" of the filter to some degree, by deciding, for

example, to stop listening to the song on the radio and scan the side of the highway for our favorite fast-food joint. The operation of the filter, however-the way in which information is classified, sorted, and selected for further processing-occurs outside of awareness. And that's a very good thing, because it allows us to concentrate on the task at hand, such as finding a place for lunch instead of singing along with Smokey Robinson on the radio. 13 The nonconscious filter does more than allow us to focus our conscious attention on one thing at a time. It also monitors what we are not paying attention to, in case something important happens that we should know about. At a crowded cocktail party, for example, we can block out the many conversations going on around us except for the one we happen to be in. This alone is no small feat and is a tribute to our capacity for selective attention. But what happens when Sidney, standing ten feet away, mentions your name to his companion? Suddenly your attention shifts; you hear your name, and your ears begin to burn. As commonplace as this example is, think of the amazing implications it has for how the mind operates. The nonconscious mind is kind of like computer programs that scan the Internet, out of sight, and send us an e-mail message when it comes across information that is of interest to us. Part of our minds can scan what is not the focus of our attention and alert us when something interesting happens. When the nonconscious filter hears Sidney droning on about his gall bladder operation, it decides to ignore it. But when it hears him mention our name-presto, it sends it directly to our conscious attention. Without such an ability to monitor and filter information nonconsciously, our worlds, like Mr. D.'s, would be a "blooming, buzzing, confusion.". A few years ago I met a man named Phil at a parent-teachers' organization meeting at my daughter's school. As soon as I met him, I remembered something that my wife had told me about Phil: "He's a real pain at meetings;" she had said. "He interrupts a lot, doesn't listen to people, and is always pushing his personal agenda." I quickly saw what she meant. When the principal was explaining a new reading program, Phil interrupted and asked how his son would benefit from it. Later in the meeting, Phil argued with another parent about how the PTO should conduct a fundraiser and seemed unwilling to consider her point of view. When I

got home that night I said to my wife, "You sure were right about Phil. He's rude and arrogant." My wife looked at me quizzically. "Phil isn't the one I was telling you about," she said. "That was Bill. Phil is actually a very nice guy who regularly volunteers in the schools." Sheepishly, I thought back to the meeting and realized that Phil had probably not interrupted or argued with people any more than others had (including me). Further, I realized that even Phil's interruption of the principal was not so clear-cut. What I saw as rude and belligerent may actually have been a zealous attempt by a caring parent to make his viewpoint known—something I have certainly been guilty of. My interpretation was just that—a nonconscious construal of a behavior that was open to many interpretations. It is well known that first impressions are powerful, even when they are based on faulty information. What may not be so obvious is the extent to which the adaptive unconscious is doing the interpreting. When I saw Phil interrupt the principal I felt as though I was observing an objectively rude act. I had no idea that Phil's behavior was being interpreted by my adaptive unconscious and then presented to me as reality. Thus, even though I was aware of my expectations (that Phil would be overbearing), I had no idea how much this expectation colored my interpretation of his behavior. One of the clearest demonstrations of such nonconscious interpretation is an experiment by John Bargh and Paula Pietromonaco, in which people did not even know that they had an expectation about a person. The researchers activated a personality trait by flashing words to people at subliminal levels, and found that people used this trait when subsequently interpreting another person's behavior. As part of a study on perception, participants judged whether flashes on a computer monitor occurred on the left or right side of the screen. Unbeknownst to them, the flashes were words shown for very brief durations (1/10 of a second) and followed immediately by a line of X's. Because the words were flashed so quickly and were "masked" by the X's, people were unaware that words had been presented. In one condition, 80 percent of the flashed words had to do with hostility, such as "hostile," "insult," and "unkind." In a second condition, none of the words had to do with hostility. Next, people took part in what they thought was an unrelated experiment on how people

form impressions of others. They read a paragraph describing a man named Donald, who acted in somewhat ambiguous ways that might be construed as hostile, such as "A salesman knocked at the door, but Donald refused to let him enter." Those who had seen flashes of hostile words judged Donald to be more hostile and unfriendly than did people who had not seen flashes of hostile words—just as I judged Phil's behavior to be rude and belligerent, because my wife's impression of him was on my mind. We can be certain that this process occurred nonconsciously in the Bargh and Pietromonaco study, because people had no idea that they had seen hostile words earlier in the study. They believed that Donald was an objectively hostile man, with no realization that they had interpreted his ambiguous behavior as hostile because of the words they had seen earlier. (This experiment raises the specter of subliminal influence, such as whether people's attitudes and behaviors can be influenced by flashes of words in advertisements. We will take up this question in Chapter 9.) The adaptive unconscious is thus more than just a gatekeeper, deciding what information to admit to consciousness. It is also a spin doctor that interprets information outside of awareness. One of the most important judgments we make is about the motives, intentions, and dispositions of other people, and it is to our advantage to make these judgments quickly. The Phil example shows that sometimes these interpretations are based on faulty data (the Bill-Phil mix up) and are thus incorrect. Quite often, however, the adaptive unconscious does a reasonably accurate job of interpreting other people's behavior.

So far, the adaptive unconscious may seem like a rather cold, emotionless interpreter of the world that keeps track of the information impinging on our senses, selects some of this information for further processing, and does the best it can at interpreting the meaning of this information. This portrayal is accurate as far as it goes, except that it makes the adaptive unconscious look like a Vulcan, the Star Trek species that is devoid of human emotions. Actually, nothing could be further from the truth. Not only does the adaptive unconscious select and interpret; it feels. In many hackneyed works of science fiction, human emotions are treated as excess baggage that get in the way of efficient decision making. Invariably there is an

android that is a much better thinker and decisionmaker than its human counterparts, because it has no emotions to muck up things. By the end of the story, we come to realize that we would never trade our lives for the android's. Even though emotions cause us to act irrationally and to make bad decisions, we are willing to sacrifice precision and accuracy for the richness of love, passion, and art. Who would want to live the stark, emotionless life of an android? The irony of these stories is that they underestimate how valuable feelings are to thinking and decisionmaking. It is now clear that feelings are functional, not excess baggage that impedes decisionmaking. Yes, there are times when emotions blind us to logic and lead to terrible decisions. In a fit of passion, people do sometimes abandon their families and run off with the drug-addled leader of a motorcycle gang. More commonly, though, our feelings are extremely useful indicators that help us to make wise decisions. And a case could be made that the most important function of the adaptive unconscious is to generate these feelings. Consider an experiment by Antoine Bechara, Hanna Damasio, Daniel Tranel, and Antonio Damasio. Participants played a gambling game in which they selected cards from one of four decks. The cards in decks A and B resulted in large gains or losses of play money, adding up to a net loss if played consistently. The cards in decks C and D resulted in small gains or losses of money, adding up to a net gain if played consistently. The question was, how long did it take people to figure out that it was to their advantage to select cards from decks C and D? And how did they do so? To find out, the researchers measured three things: which cards people chose, their reports about why they chose the card they did, and their level of skin conductance while making their choices. (Skin conductance, measured with electrodes on the skin, is a measure of minute levels of sweating and is a good indicator of people's momentary levels of arousal or emotion.) After sampling cards from all four decks, normal participants learned to select cards from decks C and D and avoid cards from decks A and B-without being able to verbalize what they were doing. That is, they did not seem to recognize consciously that two of the decks were superior to the others. How, then, did they know to avoid decks A and B? After several trials, participants showed a marked

increase in their skin conductance while pondering whether to choose a card from deck A or B, signaling them that something was wrong with this choice. Their adaptive unconscious had learned that decks A and B were risky and triggered a quick "gut feeling," before their conscious minds knew what was going on. The researchers also included participants who had damage to the ventromedial prefrontal region of their brains. This part of the brain, which is a small area located behind the bridge of the nose, is associated with the production of gut feelings. The people with damage to this area never showed an increase in skin conductance when thinking about decks A and B. They continued to make poor choices (and lose money). Antonio Damasio and his colleagues argue that damage to the prefrontal cortex prevents the nonconscious mind from learning from experience and signaling people how to respond. Tragically, the loss of this ability has far more important consequences than failing to learn the payoffs in a laboratory gambling task. Damasio documents several cases in which people's lives have become quite dysfunctional after damage to this area of their brains, because their nonconscious minds have lost the ability to generate gut feelings that guide their judgments and decisions.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Перевод фрагмента книги «Strangers to Ourselves» (Timothy D. Wilson)

Может показаться, что самопознание – центральная тема психологии. В некотором роде так и есть. Со времён Фрейда психологи сталкиваются с поразительным фактом ограниченности данного познания, его границах, а также череде неудач, которые претерпевает человек в попытке понять себя. Представляется удивительным, что самопознание не является главной темой академической психологии. Существует несколько университетских курсов на тему самопознания и несколько посвящённых ему книг, при условии, что мы не берём во внимание пособия по самосовершенствованию и литературу, написанную с точки зрения психоаналитика.

Я думаю, что такое положение скоро изменится. За последние годы произошёл настоящий взрыв научных исследований на тему самопознания, которые вырисовывают картину отличную от той, что нам предоставили Фрейд и его последователи. Обладание могущественным, сложным и адаптивным подсознанием является ключевым фактором выживания в нашем мире. Но из-за того, что подсознание эффективно выполняет свои функции не привлекая внимание и по большей части не поддаётся рассмотрению – за него приходится платить. Даже тщательно наблюдая за собой мы всё равно имеем дело с обширной областью нашей природы, о которой нам неизвестно. И как же тогда нам понять свои подсознательные особенности, цели и чувства? Всегда ли это пойдёт нам на пользу? Насколько далеко продвинулись учёные в переосмыслении Фрейда и психоанализа? Да и каким образом наука может изучить подсознание? На эти вопросы я постараюсь ответить в этой книге. Ответы часто будут казаться удивительными и иметь прямое и практическое применение в повседневной жизни.

Я заинтересовался этими вопросами осенью 1973, когда поступил в магистратуру в Харбор-Анн, как раз закончив учиться в Колледж Хэмпшир (небольшом экспериментальном колледже в Массачусетс, на тот момент просуществовавший только три года). В Мичиганском университете я проникся большим интересом к социальной психологии, и благодарен всем, кто помог моим начинаниям в данной карьере. Хотел бы выразить особенную благодарность моему наставнику Дику Нисбет, который научил меня анализировать теоретически и развивать эмпирически идеи о самопознании. Многие идеи в этой книге берут начало из любопытных бесед, которые мы проводили в 70-ых в Институте социальных исследований. Более того, Дик показал мне, что социальная психология – это не только профессия или раздел науки, но и способ жизни, который ставит под сомнение основные представления о мире.

Также я бы хотел поблагодарить многих выпускников которые в течение многих лет помогали мне изучать поставленные здесь вопросы. Спасибо Саре Алго, Дэвиду Центрбару, Мишель Дамьяни, Дане Дун, Лиз Дун, Саре Ходжес, Дебби Кермер, Кристен Кларен, Долорес Крафт, Джейми Курц, Сюзанне Ляфлёр, Дэну Лэсситеру, Дугу Лизл, Джею Мейерс, Николь Шелтон, Джулии Стоун и Талии Уитли. Не могу представитьЮ чтобы я делал без этих людей, с которыми я с удовольствием провёл многие часы кропотливой работы.

Ещё я бы хотел выразить благодарности Джону Барг, Йону Хайдт, Анджелин Лилалрд, Джонатану Скулер, Дэну Вегнер, Дэну Вильям и Дрю Вестен за ценные комментарии, которые они дали после прочтения всей рукописи. И наконец, я благодарен моему редактору в Гарварде – Элизабет Нолл – за её мудрые и остроумные советы которая она давала мне, казалось, целую вечность, пока я писал эту книгу.

Тема самопознания носит достаточно интимный характер. В книге я использую свой опыт и то, чем со мной поделились друзья. В некоторых местах, чтобы никому не навредить, я изменил имена друзей и обстоятельства,

которые они пережили. Личные же мои переживания в целом остались нетронуты.

1. ГЕНИЙ ФРЕЙДА, МИОПИЯ ФРЕЙДА

*Самоуважение, самопознание, самоконтроль – этих трёх сил
достаточно чтобы вести независимую жизнь
Альфред Лорд Теннисон – «Энона»*

Что может быть важнее дел сердечных? А что сложнее расшифровать? Некоторые люди наделены благословением точно понимать, чего жаждет их сердце, но в то же время прокляты незнанием, как этого добиться. Как Король Лир, они впутываются в перипетии событий, ведущих в противоположную сторону от той, где лежит их ум и сердце. Из-за гордости, упрямости или отсутствия понимания самих себя их цели остаются недостижимыми.

Но по крайней мере такие люди знают, чего хотят, будь то преданность дочери, объятия возлюбленного или возлюбленной, мир в душе. Худшая доля выпадает тем, кто не знает, к чему стремится их сердце. Возьмём главного героя из «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста. Он уверен, что больше не любит Альбертину и вынашивает планы о том, чтобы покинуть её, пока экономка не врывается к нему с вестью что Альбертина его бросила. Едва услышав эти слова Марсель понимает, как сильно он её всё ещё любит. «Слова: «Мадмуазель Альбертина уехала!» с такой болью отпечатались на моём сердце что более её я вынести не смог бы. То, что ранее могло бы показаться мне пустыми словами оказалось для меня всем. Как мало мы себя понимаем!

В жизни можно нередко встретить подобное непонимание собственных чувств. Возьмём мою подругу Сьюзан, которая как-то встречалась с мужчиной по имени Стивен. Стивен был крайне приятным парнем, добрым, внимательным, надёжным и по уши влюблённым в Сьюзан. Они были

социальными работниками и имели много общего. Их отношения продолжались уже больше года и становились, судя по всему, довольно серьёзными. Однако была одна проблема – всем друзья Сюзан отчётливо видели, что она его не любит. Она только думала, что любит его. Но, насколько нам было видно, она убедила себя в чувстве, которого не испытывала. Да, Стивен был ей близким другом, но любила ли она его настолько глубоко чтобы провести с ним остаток жизни? Ни за что. В конечном счёте Сюзан поняла, что ошибалась и прервала отношения.

Возможно, Сюзан и Марсель – исключения. Они в большей степени слепы касательно желаний сердца и разума. И всё же я подозреваю что большинство из нас может вспомнить время, когда мы пребывали в похожем смятении, как Элизабет в «Гордость и Предубеждение», которая обозначила свои чувства к Мистеру Дарси как «не поддающиеся точному определению»

Она уважала его, ценила, и была ему благодарна. Его благополучие вызывало у неё неподдельный интерес. Ей только хотелось знать, насколько желанно ей это благосостояние и на что она может рассчитывать и сколько нужно для их счастья; так что она воспользуется своими чарами, которыми, как подсказывала фантазия, она все еще обладала, чтобы возобновить его ухаживания.

Представьте, что, столкнувшись с таким замешательством мы могли бы подключить себя к машине под названием «Детектор самовосприятия».

Присоединив электроды к вискам и настроив все переключатели мы бы смогли задать такие вопросы как «Что я в действительности испытываю к Стивену (Мр. Дарси)?», и после нескольких щелчков и оборотов машина будет выводить ответ на маленький экран (вероятно, более продвинутая версия будет выглядеть как шар предсказаний, на котором гадают дети на пижамных вечеринках).

Но и прошедшие эти этапы взрослые иногда задаются вопросами о своей личности и возможностях. Отсутствие понимания собственного характера может привести к неудачным решениям, как в случае человека, который

думает, что располагает всем чтобы вести жизнь успешного адвоката, хотя и лучше расположен к карьере учителя, или женщина, что отказывается от предложения выступить с важной речью из-за заблуждения что у неё ничего не выйдет.

Студентам также хотелось бы понять основание для того или иного поступка или реакции, например, что заставило их чувствовать себя счастливыми. Понимания причин наших реакций является ключевым для избегания негативных влияний на чувства и поведение. Представим адвоката, который проводит собеседование с Афроамериканцем при приёме на работу. В кандидате она видит человека холодного, недружелюбного и чуточку агрессивного, вследствие чего рекомендует не принимать его на работу. Она считает себя беспристрастным человеком и полагает что раса кандидата никак не повлияла на её впечатление. Но что если она ошибается, и его раса действительно повлияла на принятое решение без её ведома? Она не сможет побороть свой расизм если не будет знать, что он влияет на её суждения.

Эта книга посвящена двум главным вопросам: почему происходит так что зачастую люди не очень хорошо себя знают (например – свой характер, почему они чувствуют так, а не иначе, и что вообще значат их чувства)? И как можно добиться лучшего понимания себя? Разумеется, существует немало причин для заблуждений в свой адрес: некоторые могут быть ослеплены гордыней (излюбленная тема Греков и Шекспира), сбиты с толку или просто не особенно утруждать себя мыслями о собственной жизни и душе. Причина, к которой буду обращаться я – возможно, наиболее распространённая – состоит в том, что немалая часть того, что мы хотим знать, пребывает за пределами осознанного понимания.

Идея о том, что большая часть человеческого разума не поддаётся осознанию – не нова. Она принадлежит Фрейдю и является его величайшим озарением. То, что большая часть человеческого разума не поддаётся осознанию не нова и является величайшим озарением Фрейда. Современная психология во многом обязана ему за решимость взглянуть за узкий коридор

сознания. Однако в эмпирической психологии, занимающейся природой сознания, произошла революция, благодаря которой были выявлены пределы концепции Фрейда.

Изначально психологи-исследователи не хотели даже упоминать бессознательные мыслительные процессы. В первой половине XX в. расцвет бихевиоризма в психологии был обусловлен отрицанием ментализма; бихевиористы утверждали, что обращать внимание на происходящее в голове у человека, сознательно или подсознательно, не имеет смысла. В конце 50-ых в психологии был сделан огромный шаг по отказу от бихевиоризма и разработана систематическое учение о разуме. Но первые психологи-экспериментаторы, чтобы не подвергаться критике бихевиористов, мало упоминали, была ли природа изучаемых ими аспектов разума сознательной или бессознательной. Этот вопрос являлся табу; некоторые редкие психологи хотели поставить под угрозу соответствие впервые найденных особенностей разума как важной научной теме заявлениями в духе «Смотрите, теперь мы можем изучать не только то, о чём люди думают; мы можем изучать, что происходит в их голове, чего они даже сами увидеть не могут!». В научных кругах некоторые уважающие себя учёные готовы были рискнуть, попав под обвинения, что они, Боже упаси, приверженцы Фрейда.

Но вместе с расцветом когнитивной и социальной психологии произошла забавная вещь. Оказалось, что люди не могут словами выразить многие когнитивные процессы, которые, по представлениям психологов, происходили у них в голове. К примеру, социальные психологи разрабатывали модели способов того, как люди обрабатывают информацию в социальной среде – включая формирование и поддержание стереотипов о социальных группах, суждение о личностях других людей и объяснение причин собственных и чужих поступков. Чем больше учёные изучали эти процессы мыслительной деятельности, тем очевиднее становился факт неведения людей касательно их существования. Исследователи, ожидая определённые мысли у участников во время проведения экспериментов, после их завершения

спрашивали, действительно ли они приходили им в голову, на что зачастую получали сбивающий с толку ответ «Очень интересная теория, профессор, однако не могу сказать, что я думал о чём-то подобном». Оказалось, что большинство мыслительных процессов, изучаемых когнитивными и социальными психологами, происходили за полем обзора человека. Т.к. этот факт более невозможно было отрицать теории о подсознательных процессах начали свой медленный путь в экспериментальную психологию.

Но многие психологи и после этого неохотно пользовались словом «подсознание» из опасения поставить себя в глупое положение перед коллегами. Несколько других терминов были изобретены для описания умственных процессов, протекающих бессознательно, как, например, «автоматический», «скрытый», «подпороговый» и «процедурный». Иногда благодаря этим терминам лучше удаётся описать конкретный вид умственных процессов чем в случае использования термина «подсознание». Исследования автоматической обработки получили расцвет, а отсутствие понимания этих процессов – только одна из её особенностей.

Однако на данный момент термины «сознание» и «подсознание» всё чаще употребляются в передовых журналах. Это стало логическим следствием изучения глубоких, адаптивных и сложных умственных процессов, которые, по большей части, происходят за пределами внимания. Некоторые исследователи зашли настолько далеко что утверждают, будто бы подсознание делает всю работу, в то время как сознание может оказаться иллюзией. Однако не каждый готов низвести сознание до уровня малозначительных эпифеноменов. На сегодняшний день мнения о важности подсознания в мыслях, чувствах и мотивации как никогда сильны.

Таким образом пропасть между психологами-исследователями и психоаналитиками значительно сузилась после того как научная психология обратила внимание на изучение подсознания. Тем не менее проложить мост между этими направлениями ещё не удалось, и современное понятие адаптивного подсознания разнится с интерпретацией в психоаналитике.

Адаптивное подсознание против теории бессознательного Фрейда

Фрейд часто менял свои взгляды, что более всего отразилось в публикации «Я и Оно» 1923 года, где он отошёл от топологической модели сознания в пользу структурной.

Существует несколько школ современного психоанализа, в которых делается разный упор на влечения, объектные отношения и функции эго. Сравнивать современный взгляд на адаптивное подсознание с фрейдистским бессознательным всё равно что целиться по движущимся мишеням. И всё-таки, отчётливые различия есть.

КАКОВА ПРИРОДА ПОДСОЗНАНИЯ?

Топографическая модель сознания Фрейда подразделяется на два типа подсознательных процессов. Первый состоит в том, что у людей имеются множество мыслей, которые попросту не попадают под их внимание в конкретной ситуации, как например имя учителя математики в седьмом классе. По Фрейду такая информация находится в предсознании, и её можно легко сделать сознательной если сконцентрировать на ней внимание. Но что более важно, замечал Фрейд, так это наличие обширного склада примитивных и инфантильных мыслей, которые хранятся бессознательно т.к. являются источником душевной боли. Такие виды мыслей подавляются целенаправленно, а не потому что внимание сосредоточено на чём-либо другом. Разработанная Фрейдом структурная модель разума сложна тем, что обнаруженные подсознательные процессы протекают не только в Эго или Суперэго, но и в Ид. Но он делал упор на подсознательное мышление, носящее примитивный и животный характер, а сознание описывал как более рациональное и сложное явление.

С современной перспективы взгляд Фрейда на подсознание был слишком ограниченным. Его заявление, сделанное под влиянием работ Густава Фехнера, одного из первых экспериментальных психологов, о том, что

сознание является вершиной айсберга – далеко от истины. Скорее оно представляет собой снежный шар на вершине этого айсберга. Наиболее эффективно разум работает путём передачи большей части углублённых, комплексных размышлений подсознанию, так же как в наше время пилот огромного реактивного самолёта может частично или полностью передать управление автопилоту. Адаптивное подсознание прекрасно справляется с оценкой мира, предупреждением об опасности, постановкой целей и приведением их в исполнение эффективным и комплексным путём. Эта часть разума не просто требовательный ребёнок и совокупность выработанных мер по его защите, а необходимая и мощная единица ума.

Также подсознание не является единой сущностью с собственной волей и разумом. Лучше описать его как совокупность эволюционировавших со временем модулей, работающих за рамками сознания. И хотя я буду часто пользоваться удобным сокращением адаптивное подсознание, я не имею в виду подсознание как что-то единое, что обычно подразумевается под подсознанием у Фрейда. Например, у нас есть подсознательный языковой процессор, с помощью которого мы можем с лёгкостью изучать и применять языки, но этот же умственный модуль только коррелирует с нашей способностью быстро и точно распознавать лица и делать быстрые оценки положительности или отрицательности происходящих вокруг событий. Таким образом лучше представить подсознание в виде совокупности городов-государств человеческого разума, нежели единым гомункулом как в Стране Оз, который тянет за ниточки скрываясь за кулисами осознанного восприятия.

ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЕТ ПОДСОЗНАНИЕ?

Фрейд говорил, что часто наши примитивные потребности не достигают сознания потому что с точки зрения наших более рациональных и сознательных личностей (как и общества в целом) – они неприемлемы. Они «напоминают одного из легендарных Титанов, который с незапамятных времён отягощён горным сводом, что на них обрушили торжествующие победу боги». Люди изобрели бесчисленное количество средств защиты чтобы

оградить себя от бессознательных мотивов и чувств, некоторые из которых (сублимация) лучше других (подавление, реактивное образование и другие). Терапевтический процесс включает выяснение и обход опасных защитных механизмов, что в особенности трудно из-за сильного желания людей сохранять свои бессознательные мотивы и чувства в тайне.

Согласно современным взглядам, существует более простая причина существования бессознательных умственных процессов. Люди не могут напрямую определить какие части их мозга задействованы в тот или иной момент, как, например, основные процессы восприятия, памяти или овладения языком. Эти составляющие недоступны осознанному восприятию не из-за страха, а, вероятно, из-за того, что они эволюционировали раньше сознания. Если бы мы попросили людей сказать точно, как они воспринимают мир в трёх измерениях, или как им удаётся разобрать издаваемый другим человека поток шума как речь, мы бы привели их в немалое замешательство. Сознание представляет собой систему с ограниченной вместимостью, а для выживания людям необходимо перерабатывать огромные потоки информации бессознательно. В 1920-ых эта точка зрения была признана Карлом Юнгом:

У бессознательного есть и другой аспект: его диапазон охватывает не только подавленное содержание, но и весь психический материал, который не достигает порога сознания. Принцип подавления не объясняет предпороговый характер всего этого материала. В ином случае, освободив подавленный материал, человек мог бы добиться феноменальной памяти и перестал бы что-либо забывать.

Фрейд бы несомненно согласился, сказав что-то вроде «Да-да, но эта часть бессознательного мышления незначительна – детали механизма, мышление на низком уровне, представляющее куда меньший интерес по сравнению с делами души и сердца – с любовью, работой и игрой». Конечно, у нас нет осознанного доступа к таким вещам как глубинной восприятие, так же, как и нет осознанного доступа к принципам работы пищеварения. Суть остаётся прежней – подавление является более важной причиной. Высшие

мыслительные процессы бессознательны. Люди могут напрямую внимать своим примитивным потребностям и желаниям, если обойти подавление и сопротивление, но обычно мы прилагаем все усилия чтобы держать такие мысли и чувства подальше от сознания». Современный взгляд на адаптивное подсознание, напротив, состоит в том, что много всего интересного, связанного с умственными суждениями, чувствами и мотивами происходит вне понимания для большей эффективности, а не из-за подавления. Также как строение разума предотвращает обработку мышления низшего уровня на сознательном уровне (сюда можно отнести обработку чувств восприятия), так и много высокоуровневых психологических процессов являются недоступными. Разум – сложно структурированная система, способная параллельно заниматься многими вещами, занимаясь подсознательным анализом окружающего мира, а сознательно фокусируясь на чём-то другом. Это не значит, что некоторые мысли не могут быть опасными, и люди часто стараются о них не знать. Однако подавление не всегда является главной причиной отсутствия у людей доступа к мыслям, чувствам или мотивам. Нельзя недооценивать роль этого факта для получения доступа к подсознанию. Эта тема широко раскрывается в этой книге.

ПОДСОЗНАНИЕ НЕ ПО ФРЕЙДУ

Чтобы проиллюстрировать, чем адаптивное подсознание отличается от предложенного Фрейдом, давайте обратимся к противоречивой истории, в который мы представим, как бы развивались идеи о бессознательном если бы Фрейд никогда не выдвинул свою теорию психоанализа. Для этого нам понадобится кратко обозначить уровень понимания бессознательных процессов до Фрейда. В XIX в. над природой бессознательного нависла длинная тень Рене Декарта. Больше всего Декарт известен за тонкое видение разума и тела. Так называемый Картезианский дуализм (проблема соотношения души и тела), с тех пор не покидал умы философов и психологов.

Многие по праву оспаривали идею того, что разум и тело являются разделёнными сущностями, каждая из которых подчиняется своим законам. Сегодня немногие психологи или философами назовут себя дуалистами. «разверзшаяся между умом и телом бездна» была окрещена нейробиологом Антонио Дамасцио как «Ошибка Декарта».

Декарт допустил и другую ошибку, менее известную, но не менее грубую. Он не только наделил разум особым статусом, неподдающимся физическим законам. Он также ограничил разум до рамок сознания. По его словам, разум состоит из всего, о чём сознательно задумывается человек, и ничего больше. Такое приравнивание мышления и сознательной деятельности одним простым взмахом уничтожает любую возможность задуматься о бессознательном – шаг, который Артур Кёстлер назвал «Картезианской катастрофой», а Ланселот Уит «одним из фундаментальных просчётов, порождённых человеческим умом». Кёстлер правильно замечает, что эта идея привела к «ослаблению психологии, на излечение которого потребовалось три века».

Несмотря на заблуждение Декарта, в XIX в. европейские теоретики, среди которых были Паскаль, Лейбниц, Шеллинг и Герbart, начали примечать существование подсознательного восприятия и мысли. Особенно стоит отметить группу британских физиков и философов, которые развивали идеи подсознательной обработки, открыто идущие вразрез с христианскими представлениями. Они поразительно напоминают современное представление об адаптивном подсознании. Эти даровитые теоретики, особенно Уильям Гамильтон, Томас Лайкок и Уильям Карпентер, могут по праву называться прародителями современной теории адаптивного подсознания. Они обнаружили, что немалая часть восприятия, памяти и действий человека происходит без сознательного намерения или желания, вследствие чего заключили существование «умственного потенциала» (термин Гамильтона, отсылающий к Лейбницу), «неосознаваемая работа мозга» (термин Карпентера), а также «непроизвольная реакция мозга» (термин Лайкока). Их

описания подсознательных процессов поразительно похожи на сегодняшние взгляды, а цитаты из их работ можно спутать с современными статьями из журналов по психологии:

- *Мыслительные процессы низшего порядка происходят вне осознанного восприятия.* Гамильтон, Карпенте и Лайкок обнаружили, что работа системы восприятия происходит по большей части бессознательно, что также обнаружил Герман Гельмгольц. И хотя сегодня этот взгляд кажется очевидным, в то время он не получил широкого распространения, во многом из-за наследия Картезианского дуализма. До когнитивной революции в 50-ых он не получал одобрения большинства психологов.

- *Разделённое внимание.* Уильям Гамильтон выявил, что люди могут сознательно думать об одной вещи и в то же время бессознательно о другой. Он привёл в пример человека, читающего вслух и при этом замечающего, что его мысли полностью переключились на что-то другое: «Если занятие не представляет интереса, ваши мысли, пока вы занимаетесь выполнением определённой задачи, полностью отстраняются от книги и её содержания, а вы, вероятно, глубоко погружены в серию размышлений. В этом случае процесс чтения протекает без вмешательства и с высочайшей точностью. В то же время процесс размышления проходит без отвлечений и усталости». Гамильтон предвосхитил влиятельные теории избирательного внимания, разработанные веком позже.

- *Автоматизм мышления.* В XIX в. теоретики утверждали, что мышление может стать настолько привычным, чтобы протекать вне осознанного внимания. Эта идея была официально обозначена только в 70-ых. Уильям Карпентер, например, замечал, что «Чем тщательнее мы изучаем то, что можно обозначить как Механизм Мышления, тем яснее нам становится, что оно принимает не только автоматический, но и бессознательный характер, затрагивающий все его процессы».

• *Применение бессознательного для формирования предубеждений.* То, что подсознание формирует чувства и предпочтения, о которых человек не знает, является противоречивым заявлением. Карпентер утверждал, что эмоциональные реакции могут возникнуть вне осознанного восприятия пока мы не обратим на них внимание: «Наши чувства по отношению к другим людям и объектам могут подвергаться важнейшим изменениям, при чём без малейшего нашего об этом представления, пока мы не направим внимание в то состояние ума, при котором имело место изменение».

• *Бессознательное Я.* Действительно ли части нашей личности вытесняются из обзора, из-за чего у нас нет доступа к важным аспектам понимания собственной личности? Уильям Гамильтон подробно описал процесс, при котором человек с ранних лет обретает привычки, которые впоследствии становятся незаменимой частью их личности. Считалось, что эти умственные процессы составляют что-то вроде «Автоматического Я», к которому у людей нет осознанного доступа. С того времени прошло более ста лет прежде чем данная идея вернулась в психологию.

Почему же большинство работ Гамильтона, Лайкока и Карпентера были забыты? Прежде всего ответ состоит в том, что предложенный Фрейдом, сильно отличающийся вид подсознания не дал им возможности привлечь широкое внимание. Насколько мне известно Фрейд никогда не цитировал и не ссылаясь на этих теоретиков. Если он и знал об их работах, то, скорее всего, счёл их неподходящими своей идее динамического и подавляемого Бессознательного с большой буквы Б.

Но что если мы представим, будто бы Фрейд не предлагал никакой теории психоанализа? Предположим, что Венский антисемитизм XIX в. не прервал его многообещающую карьеру профессора физиологии и он продолжил изучение позвоночника рыб. Положим, будто бы он пристрастился

к кокаину, с которым экспериментировал в 1884 г., или никогда не встречал Йозефа Брейера, с которым проводил первые исследования истерии. Как и у любого другого человека, есть бесчисленное множество «что, если...», при которых карьера Фрейда приняла бы другой оборот.

Представим, что начало пути экспериментальной психологии как дисциплины прошло без влияния психоанализа по двум главным параметрам. Во-первых, учёные не стали отказываться от сложных для доказательства на практике идей из-за представления о динамическом подсознании. Так же, как и Лайкок, Карпентер и Гамильтон, они могли свободно теоретизировать на тему подсознательного мышления, представленного в виде совокупности эффективных и комплексных систем по обработке информации. Во-вторых, с помощью экспериментальных техник они беспрепятственно занимались изучением разума и даже его бессознательных частей. Важной особенностью наследия Фрейда стало отрицание научного подхода в изучении разума. Фрейд полагал, что сложную природу бессознательных процессов нельзя изучать и контролировать с помощью экспериментов, а необходимо раскрывать в процессе осторожного клинического наблюдения. Конечно, проникательное клиническое наблюдение может показать многое, но без этого методологического ограничения психологам, возможно, удалось бы раньше приступить к экспериментальному изучению умственных процессов.

Но и без Фрейда учёным, заинтересованным в изучении подсознания пришлось бы столкнуться с движением бихевиористов, которые относились к разуму как к теме, недостойной какого-либо изучения. Однако одной из причин расцвета бихевиоризма в начале и середине XX в. является его альтернативность расплывчатым психоаналитическим концептам и методам. В более благоприятных условиях вполне возможно, что психология открыла бы раньше научный подход к изучению разума, включая его подсознательную часть.

Таким образом, в моей гипотетической фантазии когнитивные и социальные психологи применили отточенные экспериментальные техники

для изучения комплексного и адаптивного подсознания раньше, чем это произошло на самом деле. Их не сдерживал теоретический и методологический психоанализ, поэтому произошёл расцвет исследований и теоретизирования адаптивного подсознания.

Те, кому виды Фрейда представляются незаменимыми в осмыслении подсознания, сочтут эту гипотетическую историю неприемлемой. Некоторые теоретики, такие как Мэттью Эрделии и Дрю Уэстен, настойчиво утверждали, что психоанализ сыграл ключевую роль в развитии современного понимания подсознания, а современные исследования подтвердили выдающиеся прозрения Фрейда о природе бессознательного мышления.

Я не отрицаю важнейшее открытие Фрейда касательно всепроникающей природы подсознания, а за его упорство и творческий подход в изучении бессознательной части разума мы многим ему обязаны. Сложно не согласиться с важностью фрейдистского инфантильного, динамического и ловкого подсознания, который психоанализ объясняет столь привлекательно и полно. Мой же гипотетический пример призван лишь проиллюстрировать, что его взгляд на подсознание был не единственным, а современного мы добились бы быстрее, если бы психоанализ не доминировал на интеллектуальной арене.

Может показаться, что изложение адаптивного подсознания сотрёт всё интересное, что касается подсознательной обработки. Склонному к позиции психоанализа человеку адаптивное подсознание с упором на автоматизм обработки информации может показаться сухим, без эмоциональным, и, что самое худшее, скучным. Подсознание в представлении Фрейда оригинальное, продуманное и эротичное, и, начиная по крайней мере с Софокла является темой великой литературы. Не так много великих пьес или романов посвящены автоматическому пилоту сознания, а полностью сосредотачиваться на адаптивном подсознании может сравниться с разговорами о романтической любви без страсти и секса.

Но это представление ошибочно, т.к. не принимается во внимание роль, которую подсознание играет во всех важных и интересных моментах жизни, включая фрейдистские *arbeiten und lieben* (работа и любовь). Как мы в дальнейшем увидим, адаптивное подсознание занимается не пустяками, а играет большую роль во всех сторонах жизни. Отсутствие великой литературы на тему адаптивного подсознания говорит больше о всепроникающем характере психоанализа, чем о чём-либо другом.

Современный взгляд на подсознание никак нельзя назвать анти-фрейдистским. То, что мы владеем сложным и эффективным набором подсознательных процессов, незаменимых в нашем путешествии в этом мире, ещё не отрицает существования динамических сил, направленных на содержание неприятных мыслей вне сознания. В книге мы ещё столкнёмся с феноменами, имеющими фрейдистский характер, когда в дело вступают механизмы подавления. Некоторые читатели скажут: «Смотрите, а разве это Фрейд сказал?», на что я отвечу – да, он или один из его последователей. Однако следует держать в голове вопрос – «А нужна ли нам теория Фрейда чтобы это объяснить? Нет ли более простых пояснений для подсознательных явлений которые он описывал?».

Иногда ответ будет следующий – Фрейд был прав насчёт динамической и подавляющей природы подсознания. В других случаях те или иные высказывания будут принадлежать не Фрейду, но кому-то из его многочисленных последователей, особенно тем, кто обратили внимание не только на детские стимулы, а сделали акцент на роли объектных отношений и функционирования Эго. Но чаще мы будем наблюдать доказательства, говорящие против изображённой Фрейдом модели подсознания.

Более того, Фрейд зачастую имел разногласия с последователями по ключевым вопросам. За свою длинную карьеру он сам менял свои взгляды на такие ключевые концепты как, например, природа подавления. Таким образом возникает вопрос – как мы узнаем, какая из этих идей является правдой? Современный психологический подход имеет огромное преимущество –

опора на метод изучения мыслительных явлений, полученный экспериментальным путём. Благодаря развитию нескольких достаточно проницательных экспериментальных техник - многие из которых мы обсудим в этой книге - произошёл настоящий взрыв исследований адаптивного подсознания. Клинические наблюдения и случаи из практик могут стать богатым источником гипотез о природе подсознания, но прежде всего нам следует подвергнуть эти идеи проверке в более строгой и научной манере. Поэтому, даже в случае «Да, это сказал Фрейд», нужно учитывать, что он, или кто-то из его последователей мог сказать что-то совершенно противоположное, и только благодаря психологам эмпирикам мы можем отделить зёрна от плевел.

СПОСОБЫ САМОПОЗНАНИЯ

Ещё одним ключевым отличием между подходом Фрейда и современных психологов состоит во взгляде на достижение самопознания. Как и во многих других подходах психоаналитики полагают что путь самопознания лежит через нутро человека. Благодаря осторожному самоанализу мы способны преодолеть туман, скрывающий наши мотивы и чувства. Никто не говорит, что такой самоанализ дело лёгкое. Люди должны осознать барьеры подавления и сопротивления и справиться с ними. Однако в результате такого познания, обычно при наблюдении терапевта, человек получает прямой доступ к подсознательным желаниям. Согласно Анне Фрейд «Задача аналитика – сделать сознательным то, что ранее оставалось бессознательным», что характерно для всех форм терапии, при которой больному разъясняется сущность испытываемых им патологических симптомов.

Но есть одна проблема: исследования адаптивного сознания предполагают, что большинство из того, что мы хотим увидеть – не поддаётся рассмотрению. Разум – инструмент поразительно сложный и эффективный, в чём превосходит любой компьютер, даже самый мощный. Способность

быстро реагировать и подсознательно анализировать огромные потоки информации, а также отвечать на них эффективным способом – источник его огромной силы. Даже если разумная составляющая нашего разума занята чем-то другим, мы всё равно способны интерпретировать, оценивать и избирать информацию для собственных целей.

Это хорошая новость. Плохая же состоит в том, что как бы мы ни старались, нам трудно узнать себя из-за отсутствия прямого доступа к адаптивному подсознанию. Из-за того, что наш разум эволюционировал достаточно, чтобы проводить большую часть работы бессознательно, а подсознательная обработка стала частью строения мозга, получить прямой доступ к подсознательным процессам невозможно. «Осознать неосознаваемое» может быть так же трудно как рассмотреть и разобраться в ассемблере, который контролирует обработку слов в компьютерной программе.

Исходя из этого, попытки понять адаптивное подсознание углублением во внутренний мир не принесут плодов. Зачастую куда лучше отследить природу происхождения нашего скрытого я снаружи – понаблюдать за поведением и реакцией на нас посторонними, сопровождая это хорошим анализом. По сути, мы должны стать своими собственными биографами, упорядочивая наше поведение и чувства в осмысленное и качественное повествование. Лучшим выбором станет создание хорошей истории о себе, причём не обязательно излишне углубляться в самоанализ, пытаясь раскрыть все скрытые чувства и мотивы.

Существуют и доказательства контрпродуктивности излишнего погружения в себя. Мы рассмотрим случаи, в которых самоанализ чувств может побудить человека к необдуманным действиям и в конечном счёте ещё сильнее в них запутаться. Но я не хочу сказать, что я пренебрегаю всеми видами самоанализа. Сократ только частично ошибался, заявив, что «Неосмысленная жизнь не стоит быть прожитой». Важным является вид самоанализа и граница, которую человек готов переступить чтобы узнать себя

исключительно погружением вглубь, тогда как с другой стороны – наблюдение наружу, за своим поведением и реакцией окружающих.

Адаптивное подсознание

Я не побоюсь утверждать, что всё, осознаваемое нами – плод бессознательного, а всё наше знание, таким образом, берёт начало в неизвестном и непознаваемом.

- *Сэр Уильям Гамильтон (1865)*

За пределами сознания вздымается широкая волна жизни, чьё значение представляет для нас больше интереса чем маленький островок наших мыслей в пределах понимания.

- *Энис Суитленд Даллас (1866)*

Представьте на секунду как трудно описать природу осознанного опыта. Это тяжело от того, что осознанные состояния мы способны обзирать только в нас самих. Почему я должен быть уверен, что мои субъективные ощущения похожи на ваши? Мы можем попытаться описать наши мысли и чувства друг-другу, но мы никак не узнаем, понимаем ли мы слова одинаково, как в той классической загадке – идентично ли моё восприятие красного цвета твоему.

Несмотря на эти головоломки, нам всё же приходится столкнуться с данным феноменом. Мы знаем о такой вещи как сознание только из личного опыта. Более того, мы можем прийти к общему мнению о некотором его содержании. Большинство из нас согласятся что эмоции играют важную роль в жизни, потому что мы все любим, испытываем злость и страх. Мы согласимся что сознание может оперировать ментальными проекциями образов, т.к. если кто-то скажет: «Представь таксу» - мы легко это сделаем. Справедливо и то, что ваше представление о таксе может не совпадать с моим, но, по крайней мере, каждый из нас может проецировать такие образы в театре сознания.

Адаптивное подсознание описать намного труднее, особенно по причине отсутствия прямого контакта. Если вы спросите меня: «Представь, когда ты в последний раз сделал подсознательное предположение что из себя представляет другой человек», в лучшем случае получите вопросительный взгляд. Описать скрытые от понимания части разума так же трудно как описать работу почек или эпифиза, и даже труднее, т.к. нет таких магнитно-резонансных томографов, способных выводить картину адаптивного подсознания. Таким образом, лучше всего описать необозримые части нашего разума – представить, будто мы их потеряли.

ПОДСОЗНАНИЕ БЕРЁТ ОТПУСК

Подумайте о человеке, который проснулся в одно субботнее утро с ужасной малярией: бессознательные части его разума перестали функционировать, и у него был только его сознательный ум, чтобы вести мысли, чувства и действия - так сказать, голова. Что с ним будет происходить?? Если бы мы поставили этот вопрос Рене Декарту три столетия назад, он бы ответил, что этот день человека будет похож на любого другого; мы знаем только то, о чём думаем, т.к. нет никаких других мыслительных процессов. Удивительное число психологов начала XIX века (и даже несколько упорных консерваторов и сегодня) согласились бы с этим, утверждая, что нет такой вещи, как бессознательная мысль. В честь Декарта мы будем называть человека, потерявшего бессознательное сознание «господин Д.».

Сразу станет понятно, что Декарт ошибался, и что день господина Д. не будет похож ни на один другой, начиная с его попытки встать с постели. У людей есть «шестое чувство», называемое проприоцепцией, которое является сенсорной обратной связью. Человек постоянно получает её от мышц, суставов и кожи, которые сигнализируют о положении тела и конечностей. Не зная об этом, мы постоянно отслеживаем эту обратную связь и вносим коррективы в наши тела; например, когда мы поднимаем нашу левую руку, мы

тонко смещаем некоторый вес в правую сторону тела, чтобы поддерживать баланс. Если бы мы этого не сделали, мы бы рисковали перевалиться на одну из сторон.

В редких случаях люди теряют чувство проприоцепции, что приводит к серьезным последствиям. Врач Джонатан Коул задокументировал случай с Яном Уотерманом – человеком, который пострадал от повреждения нервов, когда ему было девятнадцать, и потерял все проприоцепцию. Г-н Уотерман был похож на соломенного человека в «Волшебнике из страны Оз», которого недавно сняли с шеста. Попытка встать оборачивалась для него падением на пол с кучей запутанных конечностей. Пока он сосредотачивался на своей руке или ноге, он мог держать ее неподвижно, но как только он отвлекался, конечности начинали бесконтрольно двигаться. С большим мужеством и тяжелой работой г-н Уотерман смог восстановить контроль над своим телом, заменив его бессознательное проприоцепцию сознательным вниманием. Он научился ходить, одеваться и даже ездить на машине, наблюдая за собой с особой сосредоточенностью. Он буквально всё время следил за собой, потому что у него начинались проблемы с контролем, когда он отводил взгляд. Однажды, когда он стоял на кухне, неожиданное отключение света погрузило всю комнату во тьму. Мистер Уотерман тут же упал на пол. Поскольку он не мог видеть своё тело, он больше не мог его контролировать.

Мы совершенно не осознаем эту критически важную сенсорную систему. Мы можем стоять, закрыть глаза и при этом сохранять равновесие, не осознавая, сколько умственной работы задействовано. Только потеря скрытой проприоцептивной системы, как и в случае г-на Уотермана, демонстрирует, насколько она важна. Проприоцепция - это лишь одна из многих бессознательных систем восприятия. Важная роль бессознательного заключается в том, чтобы организовать и интерпретировать информацию, которую мы воспринимаем через наши чувства, трансформируя световые лучи и звуковые волны в изображения и шумы, о которых мы знаем. Мы видим, что стул в нашей спальне ближе к нам, чем письменный стол, не имея

представления о том, как наши мозги трансформировали световые лучи, воздействующие на сетчатки и создающие восприятие глубины. Если бы эти бессознательные вычисления прекратились, мир бы стал выглядеть как спутанный беспорядок элементов и цветов, вместо того чтобы сглаживаться в осмысленные трехмерные изображения.

На самом деле не имеет смысла представлять себе, каково было бы иметь только сознательный ум, потому что само сознание зависит от психических процессов, которые происходят вне осознаваемого поля восприятия. Без подсознания мы не могли бы осознавать, так же, как то, что мы видим на экране компьютера, не могло существовать без работающей внутри коробки сложной системы аппаратного и программного обеспечения. Тем не менее, стоит проиллюстрировать важность бессознательного мышления, проведя наш мысленный эксперимент немного дальше и более детально изучив, каково это быть господину Д. Давайте дадим ему возможность использовать его систему восприятия и посмотрим, что еще изменится в его восприятии.

Предположим, мистер Д. включил телевизор и услышал, как диктор сказал: «Прошлой ночью Джонс заявил, что собирается положить на лопатки своих оппонентов, за год до первого президентского голосования». Когда вы читаете это предложение, вам не нужно останавливаться после каждого слова и искать его в своем умственном словаре; значения сразу приходят в голову. Господин Д. напротив, не обладает этой молниеносной способностью «искать» слова; ему пришлось бы тщательно выискивать смысл каждого слова. И это ещё неизвестно, смог бы он получить доступ к своему умственному словарю без помощи бессознательных процессов, но, ради примера, предположим, что смог бы.

Когда вы читаете слова «положить на лопатки», вы не сомневаетесь в их значении – Джонс объявил, что уверен в своей победе на предстоящих выборах, при этом другие варианты вы сознательно не рассматриваете. Вряд ли вы стали бы фантазировать, будто Джонс собирается надеть спортивное трико и бороться с оппонентами на ринге.

Что за глупость – решите вы, потому что очевидно, что имел в виду редактор новостей. Но почему это очевидно? Слова о президентских выборах появились после слов про положить на лопатки. Понять, что имел в виду диктор, не зная про вторую часть было бы невозможно. Вам пришлось бы прочитать все предложение, а затем вернуться и приложить наиболее вероятный смысл к словам. Вы бы сделали это довольно быстро и бессознательно, без осознания того, что вы толковали то, что было, по правде говоря, двусмысленным предложением. Увы, бедному господину Д. пришлось бы остановиться и рассмотреть различные значения слов и способы их применения в контексте, в котором они использовались. К тому времени, как он бы это выяснил, новостной диктор уже перешёл бы к следующей истории о тёплой волне, приближающейся к Новой Англии, что побудило бы господина Д. задуматься о том, собирается ли цунами нанести удар по Массачусетсу.

Короче говоря, психические процессы, которые управляют нашими перцептивными, языковыми и моторными системами действуют в значительной степени вне осознания, подобно огромным работам федерального правительства, которые выходят из поля зрения президента. Если бы все нижестоящие члены исполнительной власти должны были уйти на выходной, рабочий процесс бы очень сильно замедлился. Аналогичным образом, если перцептуальные, языковые и моторные системы человека перестали функционировать, людям было бы трудно работать.

Но как насчет функций высшего порядка, которые делают нас уникальными – мышление, рассуждение, обдумывание, творение, способности осознавать и принимать решения? Разумный портрет человеческого разума состоит в том, что функции нижнего порядка (такие как восприятие, понимание языка и др.) действуют вне поля зрения, тогда как функции более высокого порядка (рассуждение, мышление...) сознательны. Применяя аналогию с исполнительной ветвью, сотрудники более низкого уровня (бессознательный разум) собирают информацию и выполняют заказы,

но именно высокопоставленные сотрудники, такие как президент и члены кабинета – анализирующие информацию – принимают решения и устанавливают общий курс. И эти «руководители ума» всегда сознательны.

Такое изображение ума значительно недооценивает роль бессознательной обработки у людей. Чтобы проиллюстрировать этот момент, давайте сделаем окончательную уступку и дадим господину Д. возможность использовать все «младшие» перцепционные, моторные и языковые способности (достаточно щедрое наследство, учитывая сложности языка и трудоёмкую способность людей быстро и эффективно обращаться с письменным и устным словом). Может ли отсутствие каких-либо дальнейших бессознательных процессов каким-либо образом повлиять на него? Или теперь у него будет полностью оборудованный человеческий разум?

Господин Д. будет в крайне неблагоприятном положении во всех аспектах своей жизни. Некоторые очень важные задачи, которые мы обычно приписываем сознанию, могут выполняться бессознательно, как, например, определение важности информации, её интерпретирование и оценка, изучение новых вещей и установка цели. Когда мы, переходя улицу, увидим несущийся на нас грузовик, осознание опасности и решение отпрыгнуть будет молниеносным, без необходимости принимать осознанное решение. Господин Д. не испытал бы нутром такого внезапного страха, по крайней мере, пока ему не удалось бы не без труда извлечь из памяти всё что он знал о грузовиках и невнимательных пешеходах. Точно так же, когда мы встречаемся с кем-то в первый раз, мы быстро делаем предположения о том, кем он является, и делаем положительную или отрицательную оценку – все в течение нескольких секунд или ещё быстрее.

Кроме того, большая часть того, что мы считаем личностью господина Д. - его темпераментом, характерным способом реагирования на людей, его отличительной природой, которая делает его самим собой – больше не будет существовать. Важной частью личности является способность реагировать быстрыми, привычными способами в социальном мире. Это также означает

наличие здоровой системы психологической защиты, защищающей от угроз разумными, адаптивными способами. Большая часть этой системы личности действует вне сознания.

Определение бессознательного

Простое определение подсознания - это все мыслительные процессы, о которых вы не подозреваете в определенный момент времени. Однако мы быстро сталкиваемся с проблемами. Предположим, я попросил вас назвать имя вашего родного города. Предположительно, у вас не было никаких проблем с тем, чтобы имя города было в сознании, хотя этот город, вероятно, не был в вашем сознании, прежде чем я попросил вас подумать об этом. Означает ли это, что имя вашего родного города в большинстве случаев не имеет значения?

Этот аргумент, казалось бы, наглядно показывает и подчеркивает проблему приравнивания сознания к вниманию или кратковременной памяти, как полагают некоторые теоретики. Что касается меня, я бы не стал говорить, что понятие «Филадельфия» является для меня подсознательным, когда я о нём не думаю. Филадельфия не может быть в моей рабочей памяти или предмете моего текущего внимания, но она не бессознательна, по крайней мере, в моей концепции этого термина. Это одна из тысяч вещей, которую я могу извлечь из долговременной памяти, когда это необходимо, - Филадельфия, шутка Филдса об этом¹, слова и музыка к «Юг-стрит» группы Orions. Фрейд описывал такие мысли как пребывающие в «предсознании»; ментальная прихожая, в которой мысли остаются, пока они «не смогут привлечь внимание к сознанию». Что более интересно, так это часть моего разума, к которой я не могу получить доступ, даже когда пытаюсь. Лучшее рабочее определение бессознательного – психические процессы, недоступные сознанию, но влияющие на суждения, чувства или поведение. Независимо от

¹ Уильям Клод Филдс – американский комик, автор шутливой эпитафии «Здесь покоится У. К. Филдс. Калифорния и то лучше»

того, как долго я пытался, я не мог получить доступ к моей системе проприоцепции или тому, как мой разум трансформирует световые лучи, которые воздействуют на мою сетчатку преобразуясь в трёхмерное пространство. Я также не имею прямого доступа ко многим моим умственным процессам более высокого порядка, таким как способ выбора, интерпретации и оценки поступающей информации и постановки целей в движении. Бессознательное, как известно, трудно определить, и мое определение является лишь одним из многих, которые были предложены. Я не хочу увязнуть в проблемах определения и не буду останавливаться на многих альтернативах. Интереснее взглянуть на то, чего люди могут достичь вне центра сознания.

Адаптивное подсознание, или то, чего господин Д. сделать не способен

Термин «адаптивное подсознание» означает, что подсознательное мышление является эволюционной адаптацией. Способности оценивать наше окружение, разрешать его неоднозначность, интерпретировать и быстро реагировать на изменения, а также бессознательное преимущество выживания обусловили его эволюционный отбор. Без этих бессознательных процессов мы бы с трудом уживались в этом мире (мы бы намного меньше времени проводили на ногах, как Ян Вотерман). Это не означает, что бессознательное мышление всегда приводит к точным суждениям, но, в целом, для выживания оно жизненно необходимо.

Учтите, что в любой момент наши пять чувств перерабатывают более 11.000.000 единиц информации. Ученые определили это число, подсчитав рецепторные клетки каждого органа чувств и нервы, которые идут от этих клеток к мозгу. Только наши глаза получают и посылают более 10 000 000 сигналов нашим мозгам каждую секунду. Ученые также попытались определить, сколько из этих сигналов может быть обработано в любой момент времени, наблюдая за такими вещами как то, насколько быстро люди могут читать, сознательно отличать разноцветные вспышки света и различать разные

запахи. По самым скромным оценкам люди могут осознанно обрабатывать около 40 единиц информации в секунду. Подумайте об этом: одновременно мы получаем 11.000.000 единиц информации, но сознательно можем обработать только 40. Что происходит с другими 10.999.960? Было бы ужасно расточительно разрабатывать систему с такой невероятной сенсорной чувствительностью и ограниченной вместительностью процессов применения поступающей информации. К счастью, мы используем эту информацию за пределами осознанного сознания.

ОБУЧАЕМОСТЬ: АДАПТИВНОЕ ПОДСОЗНАНИЕ КАК ДЕТЕКТОР ОБРАЗЦОВ

Предположим, что вас познакомили с человеком, который страдал амнезией из-за повреждения головного мозга. Органическая амнезия может быть следствием ряда травм головного мозга, таких как травмы, вызванные автомобильными авариями, черепно-мозговой травмой, болезнью Альцгеймера и синдромом Корсакова (повреждение головного мозга в результате хронического злоупотребления алкоголем). Эти расстройства приводят к нескольким разным дефицитам памяти, в зависимости от поражённых областей мозга. Тем не менее, во всех них люди теряют способность формировать воспоминания о новом опыте.

Если вы столкнулись с таким человеком, вы, вероятно, не смогли сразу сказать, что он или она страдает от амнезии. Люди с этими расстройствами обычно сохраняют свой уровень интеллекта и общие черты личности. Но что если вам нужно будет некоторое время поговорить с таким человеком, покинуть комнату и вернуться через час. Вы увидите, что человек не помнит о встрече с вами. Разумеется, у всех иногда бывают провалы в памяти, как когда вы можете забыть имя человека, которого только что встретили. Что особенно поражает в амнезии, так это то, что у них нет сознательного воспоминания о новом опыте.

Обратите внимание на мое использование слова «сознательный» в предыдущем предложении. Теперь ясно, что амнезия может многому научиться бессознательно. Известную (и дьявольскую) демонстрацию этого факта исполнил французский врач по имени Эдуард Клапаред. Каждый раз, когда он посещал женщину, страдающую от амнезии, у нее не было воспоминаний о том, что она когда-либо встречалась с ним. При каждом посещении он должен был представляться заново. Однажды Клапаред, как обычно, пожал ей руку, но на этот раз он спрятал булавку в ладони. Женщина быстро отдернула руку, удивленная болезненным уколом. В следующий раз, когда Клапаред посетила женщина, она не показала признаков признания его, и поэтому он вновь взял себя и протянул руку. Однако на этот раз она отказалась пожать ему руку. У нее не было никакого сознательного воспоминания о том, что она когда-либо встретила Клапаред, но как-то «знала», что жать руку этому человеку следует только на свой страх и риск. Клапаред наблюдал несколько других примеров такого бессознательного обучения у этой пациентки. Например, у нее не было сознательной памяти о структуре учреждения, в котором она прожила шесть лет. Когда ее спрашивали, как добраться до ванной или столовой, она не могла сказать. Однако, когда она хотела попасть в одно из этих мест, ей удавалось это с лёгкостью.

В настоящее время есть много других примеров способности людей изучать новую информацию бессознательно. Люди даже способны понять и сохранить фрагменты того, что происходит, когда они находятся под общей анестезией. Пациенты, которым во время операции давали рекомендации, проводят меньше времени в больнице, чем пациенты, которые их не получали, несмотря на то, что не сознают, что было сказано во время анестезии.

Случаи подобные этим иллюстрируют разницу между двумя типами обучения – явными и неявными. Явное обучение - это сложный, сознательный вид запоминания, которого мы часто боимся. Когда мы думаем о перспективах изучения чего-то сложного - иностранного языка, сборка нового газового гриля - мы часто жалуемся и ожидаем тонны мучительной работы. Для

выполнения таких задач нам необходимо проявлять длительную концентрацию, уделяя все наше сознательное внимание учебным лекционным спискам или выясняя, как присоединить шланг на рисунке A11 к горелке на рисунке Сб.

То, что мы способны неявно изучать сложную информацию без каких-либо усилий, как, например, пациент Клапаред, может стать отличной новостью. Неявное обучение определяется как обучение без усилий или осознание того, что было изучено. Возможно, лучшим примером является способность ребенка овладеть родным языком. Дети не изучают часами списки слов и не посещают занятия по грамматике и синтаксису. Им было бы трудно объяснить, что такое причастия, несмотря на их способность свободно ими пользоваться. Люди учатся говорить без особых усилий или намерений – это просто происходит.

Неявное обучение является одной из важнейших функций адаптивного бессознательного. Опять же, давайте не будем упрощать. Точный характер неявного обучения и его связь с осознанной обработкой - тема многих споров и исследований. И тем не менее понятно, что адаптивное подсознание способно изучать сложную информацию, и то, что при некоторых обстоятельствах оно лучше и быстрее распознаёт информацию чем наши сознательные умы.

Яркой демонстрацией неявного обучения является исследование Павла Левицки, Томаса Хилла и Элизабет Бизо. Задача участника состояла в том, чтобы посмотреть экран компьютера, который был разделен на четыре сектора. В каждом испытании в секторе появлялась буква X, и участник должен был нажать на одну из четырех кнопок, чтобы указать, какой из них. Без ведома участника принцип отображения X имел сложный алгоритм из 12 шагов. X никогда не появлялся на одном квадрате два раза подряд; третье местоположение зависело от местоположения второго; четвертое место зависело от местоположения предшествующих двух; и X никогда не возвращался в свое первоначальное местоположение, пока он не появился, по

крайней мере, в двух других квадратах. Хотя точные правила были сложными, участники, похоже, изучили их. Со временем их показатели улучшились, они могли всё быстрее и быстрее нажимать на правильную кнопку когда X появлялся на экране. Тем не менее, ни один из участников не смог озвучить существование правил и научились ли они чему-то.

То, что они узнали сложные правила бессознательно, было показано тем, что произошло эксперименте далее. Исследователи внезапно изменили правила, предсказывающие, где появится X, после чего производительность участников ухудшилась. У них ушло очень много времени чтобы определить положение X, к тому же они сделали несколько ошибок. Хотя участники заметили, что они больше не могут выполнять эту задачу так же хорошо, никто из них не знал, почему. У них не было осознания того, что они выучили правила, которые больше не применялись. Вместо этого они сознательно искали другие объяснения своих неожиданных плохих результатов.

Кстати, участники были профессорами психологии, которые знали, что исследование касается бессознательного обучения. Несмотря на эти знания, они понятия не имели, что они узнали, и почему их работа внезапно ухудшилась. Три профессора сказали, что их пальцы «внезапно потеряли ритм»; а двое были убеждены в том, что экспериментаторы вставили отвлекающие на подсознательном уровне изображения на экран.

Виды правил, которые люди узнали в этом эксперименте, заведомо трудно понять сознательно. Исследование Левицки, Хилла и Бизо может быть примером того, что адаптивное подсознание справляется лучше чем наши сознательные умы. Вернувшись к нашему примеру господина Д., становится ясно, что без бессознательного он не сможет быстро и эффективно изучать сложные модели в своей среде.

ВНИМАНИЕ И ВЫБОР: ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫЙ ФИЛЬТР

Как уже отмечалось, наши сенсоры обрабатывают около 11.000.000 единиц информации в секунду. Когда вы читаете эту книгу, вы, вероятно,

слышите много звуков, таких как, например, тиканье часов или порывы ветра за окном. Вы можете видеть не только слова на этой странице, но также номер страницы и поверхность, на которой лежит книга, будь то поверхность стола или ткань. Вы можете почувствовать вес книги на руках и давление ноги на пол. Давайте не будем забывать запах и вкус – аромат кофе или слабое послевкусие бутерброда с тунцом, который вы ели на обед.

Все это предполагает, что при чтении вы сидите в тихом месте. Если вы окажетесь в метро или в общественном парке, количество информации, достигающей ваших чувств, увеличится. Как же тогда вы можете читать и понимать слова на этой странице, если при этом вся эта конкурирующая информация поражает ваши чувства? Как же мы разбираемся в мире, описанном Уильямом Джеймсом как «цветущий и жужжащий беспорядок»?

Мы можем это сделать из-за замечательной вещи, которая называется избирательным вниманием. Мы оснащены бессознательным фильтром, который исследует информацию, достигающую наших чувств, и решает, что признать сознанием. В некоторой степени мы можем сознательно контролировать «настройки» фильтра, решая, например, прекратить прослушивание песни на радио и отсканировать сторону шоссе в поисках любимого фаст-фуда. Однако работа фильтра – то, как информация классифицируется, сортируется и выбирается для дальнейшей обработки, происходит вне понимания. И это очень хорошо, потому что это позволяет нам сосредоточиться на задаче, когда нам, например, нужно найти место для обеда вместо подпевания звучащему по радио Смоки Робинсону.

Бессознательный фильтр делает больше, чем позволяет сосредоточить наше сознательное внимание на одной вещи за раз. Он также контролирует то, на что мы не обращаем внимания, в случае, если что-то важное произойдет и о чем мы должны знать. Например, на переполненной коктейльной вечеринке мы можем блокировать многие разговоры, которые происходят вокруг нас, за исключением того, в котором мы оказались. Это само по себе является не маленьким подвигом и относится к нашей способности к избирательному

вниманию. Но что происходит, когда Сидни, стоящий в десяти футах от вас, упоминает ваше имя своему спутнику? Внезапно ваше внимание меняется; вы слышите свое имя и ваши уши начинают гореть. Каким бы банальным ни был этот пример, подумайте об удивительных применениях, на которые способен наш разум. Бессознательный ум подобен компьютерным программам, которые без нашего участия сканируют интернет и присылают нам сообщение по электронной почте об информации, которая представляет для нас интерес. Часть разума может сканировать то, что не находится в центре нашего внимания, и предупредить нас, когда что-то интересное происходит. Когда бессознательный фильтр слышит, как Сидни гудит по поводу операции с желчным пузырем, он решает проигнорировать его. Но стоит ему только упомянуть наше имя и вуаля! Он посылает его прямо нашему сознательному вниманию. Без такой способности контролировать и фильтровать информацию бессознательно, наш мир, такие как у господина Д., был бы «цветущим и жужжащим беспорядком».

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

Несколько лет назад я встретил человека по имени Фил на собрании родителей-учителей в школе, где учится моя дочь. Как только я встретил его, я вспомнил кое-что, что моя жена рассказала мне о Филе: «На собраниях от него одни проблемы»; она сказала: «Он много перебивает, не слушает людей и всегда проталкивает свою точку зрения». Я быстро понял, что она имела в виду. Когда директор объяснял новую программу чтения, Фил вмешался и спросил, что его сын выиграет от этого. Позже на встрече Фил спорил с другим родителем о том, как ВТО должен вести сбор средств и, казалось, не желал рассматривать ее точку зрения.

Когда я вернулся домой той ночью и сказал своей жене: «Ты была полностью права насчёт Фила. Он груб и высокомерен» - она вопросительно посмотрела на меня. «Я рассказывала тебе не о Филе» - сказала она, – «это был Билл. Фил на самом деле очень хороший парень, который регулярно выступает

волонтером в школах». Я почувствовал себя глупо и стал думать о встрече. Тогда я понял, что Фил, вероятно, не прерывал и не спорил с присутствующими больше, чем другие (включая меня). Более того я понял, насколько неоднозначно можно рассматривать момент, когда Фил прервал речь директора. То, что я считал грубым и воинственным, могло быть ревностной попыткой заботливого родителя высказать свою точку зрения. Я был совершенно не прав в своей оценке. Моя интерпретация была именно такой: бессознательным конструированием поведения, которое было открыто для многих интерпретаций.

Хорошо известно, что первые впечатления являются мощными, даже когда они основаны на ошибочной информации. Что может быть не столь очевидным, так это то, в какой степени адаптивное подсознание занимается интерпретацией. То, как Фил прервал директора, показалось мне объективно грубым поступком. Я и понятия не имел, что поведение Фила интерпретировалось моим адаптивным подсознанием, а затем представилось мне как реальность. Таким образом, хотя я и знал о своих ожиданиях (что Фил будет вести себя подавляюще), я и предположить не могу, насколько это ожидание окрасило мою интерпретацию его поведения. Одной из самых ярких демонстраций такой бессознательной интерпретации является эксперимент Джона Барга и Полы Пиетромонако, в котором люди даже не знали, что у них есть ожидание о человеке. Исследователи отобразили индивидуальную черту с помощью транслирования слов на подсознательном уровне, после чего обнаружили что люди использовали эту черту, когда впоследствии интерпретировали поведение другого человека. В рамках исследования по восприятию участники должны были сказать, произошли ли вспышки на мониторе компьютера в левой или правой части экрана. На промежуток времени в одну десятую секунды им показывали слова, о которых они не подозревали, после чего сразу же следовала строка X. Поскольку слова показывались столь быстро и были «замаскированы» строкой X, люди не знали, что им показывали эти слова.

В одном случае, 80% сверкающих слов были связаны с враждебностью: «враждебный»; «оскорбление»; «злой». Во втором случае ни одно из слов не было связано с враждебностью. Затем люди принимали участие в эксперименте, который, как им казалось, никак не связан с предыдущим, целью которого было изучить формирование мнения о посторонних людях. Они читали текст, описывающий человека по имени Дональд. Он действовал в некоторой степени неоднозначно, что могло быть сочтено враждебным, как, например – «Продавец постучал в дверь, но Дональд отказался его впустить».

Те, кто видел вспышки враждебных слов, считали Дональда более враждебным и недружелюбным, чем люди, которые не видели вспышек враждебных слов - так же, как я оценил поведение Фила как грубоватого и воинственного, потому что у меня на уме было впечатление моей жены. Мы можем быть уверены, что в эксперименте Барга и Пиетромонако этот процесс произошел бессознательно, потому что люди не подозревали, что раньше они видели враждебные слова. Они считали, что Дональд был объективно враждебным человеком, не осознавая, что они интерпретировали его двусмысленное поведение как враждебное из-за увиденных ранее слов. («Этот эксперимент раскрывает призрак бессознательного влияния, например, на то, могут ли вспышки слов на рекламных объявлениях влиять на поведение и отношения людей. Мы рассмотрим этот вопрос в главе 9.)

Таким образом, адаптивное подсознание – больше, чем просто привратник, определяющий, какую информацию можно допустить к сознанию. Это также и пиарщик, который интерпретирует информацию вне сознания. Очень важно сделать быстрый вывод о мотивах, намерениях и распоряжениях других людей. Пример Фила показывает, что иногда эти интерпретации основаны на ошибочных данных (смещение Билла-Фила) и поэтому неверны. Довольно часто, однако, адаптивное подсознание делает разумно и точную работу по интерпретации поведения других людей.

ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ: АДАПТИВНОЕ ПОДСОЗНАНИЕ В РОЛИ ОЦЕНЩИКА

У читателя может возникнуть мнение что адаптивное подсознание представляет из себя довольно холодного и бесшумного интерпретатора мира, который отслеживает информацию, сваливающуюся на наши чувства, выбирает часть этой информации для дальнейшей обработки и делает все возможное, чтобы интерпретировать смысл этой информации. Это изображение является настолько точным, насколько это возможно, за исключением того, что оно делает адаптивное бессознательное похожим на Вулканца – представителя инопланетной расы в Стар Треке, которые лишены человеческих эмоций. На самом деле сложно представить что-то ещё более далёкое от истины. Адаптивное сознание не только выбирает и интерпретирует. Оно ещё и чувствует.

Во многих избитых работах научной фантастики человеческие эмоции рассматриваются как избыточный багаж, который мешает эффективному принятию решений. Неизменно есть андроид, который намного превосходит человеческих коллег в мышлении и принятии решений, потому что у него нет эмоций, из-за которых можно принять неправильное решение. К концу истории мы осознаем, что никогда не променяем свою жизнь на жизнь андроида. Несмотря на то, что эмоции заставляют нас действовать нерационально и принимать не лучшие решения, мы готовы жертвовать точностью и рациональностью для богатства любви, страсти и искусства. Кто хотел бы жить безвкусной, бесчувственной жизнью андроида?

Ирония этих историй заключается в том, что их авторы недооценивают важность чувств в мышлении и принятии решений. Теперь понятно, что чувства функциональный, а не избыточный багаж, который препятствует принятию решений. Да, бывают моменты, когда эмоции слепые к логике и приводят к печальным решениям. В припадке страсти люди иногда отказываются от своих семей и убегают с пристрастившимся к наркотикам

лидерам банды байкеров. Однако чаще наши чувства являются чрезвычайно полезными индикаторами, которые помогают нам принимать мудрые решения. И можно сделать вывод, что важнейшая функция адаптивного бессознательного состоит в том, чтобы генерировать эти чувства.

Рассмотрим эксперимент Антуана Бечара, Ханны Дамасио, Даниэля Транеля и Антонио Дамасио. Участники играли в азартные игры, в которых они выбрали карты с одной из четырех колод. Карты в колодах А и В приводили к большим выигрышам или потерям игровых денег, что добавлялось к суммарным потерям при последовательной игре. Карты в колодах С и D приводили к небольшой прибыли или убыткам, которые также добавлялись к суммарным потерям при последовательной игре. Вопрос состоял в том, сколько времени потребовалось людям, чтобы понять, что для них выгодно выбирать карты с колод С и D? И как они это сделали? Чтобы выяснить, исследователи измерили три вещи: какие карты выбрали люди, их отчеты о том, почему они выбрали ту или иную карту и уровень электропроводимости кожи, делая свой выбор. (Электропроводимость кожи измеряется прикреплёнными на кожу электродами, которые выявляют минутные уровни потоотделения, что показывает возбуждение или проявление эмоций.)

После взятия пробных карт со всех четырех колод здоровые участники научились выбирать карты из колод С и D и избегать карт с колод А и В - без возможности объяснить то, почему они так делают. То есть, они, похоже, не осознавали, что две колоды были лучше других. Как же они понимали, что лучше избегать карт из колод А и В? После нескольких испытаний участники продемонстрировали заметное увеличение электропроводимости кожи, размышляя над тем, следует ли выбирать карту из колоды А или В. Они получали сигнал, что с этим выбором что-то не так. Их адаптивное подсознание выяснило, что колоды А и В были рискованными и вызывало быструю «интуицию» до того, как сознательная часть разума успевала разобраться что происходит.

Исследователи также включали участников с повреждением вентромедиальной префронтальной корой области мозга. Эта часть мозга представляет собой небольшую область, расположенную за мостиком носа и связана с созданием интуитивных ощущений. Люди с повреждением этой области не показывали увеличения электропроводимости кожи, когда думали о колодах А и В. Они продолжали делать плохие выборы (и терять деньги). Антонио Дамасио и его коллеги утверждают, что повреждение префронтальной коры препятствует тому, чтобы бессознательный ум учился на опыте и сигнализировал людям как реагировать. К сожалению, потеря этой способности имеет гораздо более важные последствия, чем неспособность узнать выигрыши в задаче лабораторных азартных игр. Дамасио документирует несколько случаев, когда жизнь людей стала довольно неблагоприятной после повреждения этой области их мозга, потому что их бессознательные умы потеряли способность генерировать интуицию, которая определяет их суждения и решения.

Отзыв
о выпускной квалификационной работе
студента группы 55 – ТПП Никитенко Ивана Сергеевича,
выполненной по направлению 45.05.01 Перевод и переводоведение
на тему Роль фоновых знаний при переводе
английского научно-популярного текста на русский язык

Актуальность темы обусловлена постоянным спросом на литературу по психологии и, соответственно, интересом к переводу зарубежных публикаций. В дипломной работе изучается роль фоновых знаний при переводе книги Т. Уилсона «Чужие себе» («Strangers to Ourselves», Timothy D. Wilson).

В первой главе, опираясь на труды отечественных учёных, студент рассмотрел стилистические особенности научно-популярных текстов, а также определение и содержание фоновых знаний как основу полноценного перевода научных работ. В этой части работы заметно желание автора разобраться в особенностях научно-популярной литературы, рассмотрев три основных подхода в работах лингвистов, наиболее убедительным признан синкретический подход, поскольку он более всего соответствует особенностям переводимой книги по психологии.

Во второй главе автор диплома показал принадлежность книги Т. Уилсона к научно-популярному стилю, что позволило выделить области, знания из которых необходимы при переводе: психоанализ, медицину, культурологию. В процессе перевода приходилось пользоваться дополнительными источниками и словарями, они указаны в работе. В этой главе содержится много примеров с собственными комментариями студента, которые подтверждают глубокую погруженность автора в исследуемую тему и стремление добиться максимально эквивалентного перевода.

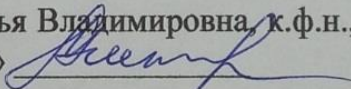
Цель, поставленная в дипломной работе И.С. Никитенко, успешно достигнута. Выводы обоснованы и логичны. Практическая значимость выпускной работы состоит в том, что она дает возможность ознакомиться с не переводившейся ранее книгой по психологии.

Хочется отметить, что в процессе работы над дипломом И.С. Никитенко продемонстрировал готовность к аналитической работе, творческий подход и инициативность.

Оформление полностью соответствует квалификационным требованиям.

Представленная работа рекомендуется к защите в ГЭК.

Процесс создания И.С. Никитенко выпускной работы и его результат – диплом «Роль фоновых знаний при переводе английского научно-популярного текста на русский язык» могут быть отмечены высокой оценкой.

Руководитель ВКР Александрович Наталья Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «КубГУ»
(подпись)

« » _____ 201__ г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Кубанский государственный университет»

(ФГБОУ ВО «КубГУ»)

Рецензия

на выпускную квалификационную работу
студента группы 55 – ТПП Никитенко Ивана Сергеевича,
выполненную по направлению 45.05.01 Перевод и переводоведение,
на тему Роль фоновых знаний при переводе
английского научно-популярного текста на русский язык

Актуальность выбранной темы определяется постоянным интересом к междисциплинарным исследованиям, среди которых психология занимает одно из ведущих мест. Новые научные факты и методики нуждаются в переводе, поэтому научно-популярный текст всегда будет актуальным и ответственным заданием для переводчика.

Дипломная работа посвящена изучению фоновых знаний при переводе книги Т. Уилсона «Чужие себе» («Strangers to Ourselves», Timothy D. Wilson) и включает введение, две главы, заключение и два приложения. Методологической основой исследования стали труды отечественных ученых. Студент применил в качестве методов сплошную выборку, анализ, сравнительно-сопоставительный метод.

В первой главе рассматриваются формальные и содержательные характеристики научно-популярного текста, которым соответствует переводимая книга (популяризация научных знаний, относительная простота изложения, разнообразие стилистических средств). В этой части дипломной работы студент рассмотрел несколько подходов к стилевой принадлежности научно-популярной литературы, что указывает на достаточную глубину и полноту проведенного И.С. Никитенко исследования и его соответствие выбранной теме.

Во второй главе показано применение фоновых знаний в работе над переводом книги Т. Уилсона, которые были найдены в толковых словарях и энциклопедиях, в том числе электронных, источники указаны в работе. Перевод культурных реалий потребовал наличия знаний о некоторых особенностях устройства западноевропейских стран или в сфере образования США. Трудности возникали и при переводе специфичной для психологии терминологии, т.к. перевод предполагал не только обращение к билингвистическим словарям, но и понимание их узкоспециального значения. На основании полученных данных производилось исследование влияния фоновой информации на текст и степень её важности для переводчика.

Серьезных замечаний не выявлено.

Выводы, сделанные по итогам исследования И.С. Никитенко, обоснованы. Оформление соответствует требованиям к выпускным квалификационным работам по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение.

Заключение: дипломная работа И.С. Никитенко соответствует квалификационным требованиям, рекомендуется к защите и заслуживает высокой оценки.

Рецензент:

доцент кафедры теории и практики перевода
Дармодехин С.В.

